

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Чарлз Дарвин и религия	10
1.1. От веры к сомнению, от сомнения к знанию	10
1.2. Легко ли быть агностиком	19
Глава 2. Феодосий Григорьевич Добржанский и религия	24
2.1. Предопределение как свободный выбор	26
2.2. Верующий неверующий	31
2.3. Жажда жизни	40
2.4. Новый лучший мир	41
Глава 3. Пьер Тейяр де Шарден и религия	44
3.1. Взглянуть в землю, чтобы узреть небо	45
3.2. Эволюционное прозрение	47
3.3. Открытие человека	49
3.4. «Эволюционный синтез» и эволюционный синтез Тейяра	50
3.5. Все остается людям, или Свой среди чужих, чужой среди своих	54
3.6. Феномен человека, воистину феномен	63
Глава 4. Джулиан Соррел Хаксли и религия	68
4.1. Потомственный вольнодумец	68
4.2. Не только горшки человек обжигает	70
4.3. Средство выжить	72
4.4. Бесплезная гипотеза	73
4.5. Извлечь уроки	75
4.6. Трудно быть богом, или Легко ли быть человеком	78
4.7. Знание — все же сила	79
4.8. Религия без религии	83
4.9. Жизнь стоит того, чтобы жить	86
4.10. Призрак и Прометей, или Так кто же наступает на грабли?	89
Глава 5. Стивен Джей Гулд и религия	92
5.1. Возмутитель спокойствия	92
5.2. И нашим, и вашим	94

5.3. Скажи мне, кто тебя хвалит, и я скажу тебе, кто ты	98
5.4. Судный день	101
5.5. Или хорошо, или ничего	113
Глава 6. Ричард Докинз и религия	116
6.1. Человек, который попытался лишить не только англичан и американцев одной из иллюзий	117
6.2. Шоу «Бог как иллюзия» или знамение времени?	122
6.3. Бог хуже, чем иллюзия	125
6.4. «Фундаментальный» ответ фундаменталистов, или «Ты не прав, Ричард!»	128
6.5. Бог гораздо хуже, чем иллюзия	135
6.6. Восхождение с Голгофы, или Его путь	142
6.7. А что, все-таки не иллюзия?	145
Глава 7. Эволюционисты и религия	147
7.1. Эволюция веры и безверия: статика и динамика	147
7.2. Глобальный иллюзионизм	161
7.3. Вместо заключения. Нужны ли «духовные костыли»?	165
Приложения	167
Интервью Н. В. Аладина	167
Интервью Л. Я. Боркина	176
Интервью С. Г. Инге-Вечтомова	190
Именной указатель	195

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2009 г., когда, как писали раньше, все прогрессивное человечество отмечало 200-летие со дня рождения основоположника теории биологической эволюции, великого английского ученого Ч. Дарвина и 150-летие со дня выхода в свет его знаменитой книги «Происхождение видов», и когда в России также состоялись некоторые мероприятия, посвященные этим двум юбилеям, к моему коллеге (в настоящее время, пожалуй, единственному специалисту в России по научному творчеству Ч. Дарвина) Я. М. Галлу обратились из редакции журнала «Человек» с просьбой написать статью о Ч. Дарвине. Поскольку Я. М. Галл уже откликнулся на несколько аналогичных просьб и не хотел давать один и тот же текст, пусть слегка видоизмененный и под разными названиями, сразу в несколько периодических изданий, он переадресовал эту просьбу автору данного предисловия, у которого к тому времени уже имелся некоторый материал об отношении к религии не только Ч. Дарвина, но и трех других эволюционистов. Нашего соотечественника, Ф. Г. Добржанского, «невозвращенца» поневоле, не увидевшего для себя места в стремительно сталинизирующемся СССР и в 1931 г. окончательно оставшегося в США (но лишь в 1936 г. принявшего американское гражданство). Французского палеонтолога и теолога П. Тейяра де Шардена. Английского биолога, блестящего популяризатора науки, первого генерального директора ЮНЕСКО, Дж. С. Хаксли.

Предложение написать для журнала «Человек» статью об отношении Ч. Дарвина к религии было принято, а затем и предложение подготовить небольшую серию статей об отношении других известных эволюционистов к религии. Эти статьи (в несколько сокращенном и отредактированном в редакции журнала виде) были опубликованы в 2009–2012 гг. По мере их написания становилось ясно, что, собранные вместе, они могут составить небольшую, но, возможно, небесполезную книгу, представляющую определенный интерес не только для сравнительно небольшого числа специалистов в области эволюционной биологии и ее истории, но и для более широкого круга читателей. При составлении книги первоначальные тексты очерков были восстановлены, частично дополнены и отредактированы, в частности с учетом тех откликов, которые они вызвали в разных аудиториях.

Обоснование выбора эволюционистов и некоторые общие соображения, относящиеся, на взгляд автора, к теме, даны в последней, седьмой главе. Кроме того, в книгу включены в качестве приложения три интервью с современными петербургскими биологами. Отношение к религии у всех интервьюируемых прямо противоположное, а вот к эволюционной теории — практически одинаковое. Это еще одно

свидетельство востребованности современной теории биологической эволюции в самых разных областях биологических исследований и ее важного мировоззренческого значения. Даже для тех, кто, являясь верующим, все же остается настоящим ученым и в своей профессиональной деятельности, осознанно или нет, придерживается тех норм и принципов научного исследования и рационального мышления, которые выработаны в науке благодаря ее долгому и непростому развитию.

В приводимых цитатах из рукописей в угловые скобки (< >) взяты неразборчивые слова, а в квадратные ([ ]) слова, вставленные автором книги. Пропущенные части текста заменены отточием (...). Выделения, сделанные автором книги в цитатах, отмечены курсивом и оговорены в круглых скобках.

В заключение хотелось бы выразить особую благодарность рецензентам и всем тем, кто высказал свои критические замечания при знакомстве с отдельными главами и книгой в целом. Разумеется, вся ответственность за окончательный текст лежит полностью и исключительно на его авторе.

*13 февраля 2011 г.,
г. Санкт-Петербург*

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX — начале XXI в. религия, по крайней мере в России, вновь, и значительно, потеснила науку. Во всяком случае, в политике государства и в общественном сознании. Если верны данные тех социологических опросов, которые проводились в последние несколько лет разными социологическими службами, то от 60 до 80 % опрошенных жителей Российской Федерации называют себя верующими¹. Церковь вызывает доверие у 68 % опрошенных². В то же время только 24,4 % опрошенных считают эволюционную теорию доказанной и столько же высказались за «креативную» теорию. При этом 34,5 % опрошенных думают, что современная наука не в состоянии ответить на вопрос о происхождении человеческого вида³.

Разумеется, эти цифры очень отличаются от аналогичных, полученных другими исследователями⁴, и уже поэтому нуждаются, по меньшей мере, в точных и добросовестных научных комментариях. Некритическое их использование, без уточнений и пояснений, особенно в СМИ, может привести лишь к негативным и достаточно тяжелым последствиям. В 2005 г. существенная часть респондентов (36 %) высказалась за запрет публичных выступлений против религии; 17 % за то, чтобы противникам веры не позволялось преподавать в университетах. И, наконец, 22 % — за то, чтобы написанные «безбожниками» книги изымались из библиотек⁵. Ссылаясь, в частности, на высокий процент верующих среди населения, активная праворадикальная часть православных требует особых льгот и привилегий для «титальной религии», а также приведения некоторых норм общественной жизни и государственного устройства в соответствие с «христианскими ценностями», в том числе переименования улиц, станций метро и городов, запрета на преподавание эволюционной теории в школе. Это требование поддерживается значительной частью населения, хотя и остающейся пока в меньшинстве. Против каких-либо ограничений в преподавании эволюционной теории и пропаганде естественного происхождения человека выступают 69,5 %. Против преподавания дарвинизма в школе выступают 20,4 % россиян.

---

¹ Религия в жизни россиян // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2008. № 1116. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11099.html?no_cache=1&cHash=b84c4f423a

² Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 108.

³ Бызов Л. Будет ли у нас свой «обезьяний процесс»? URL: <http://www.igpi.ru/info/people/byzov/1144236138.html>

⁴ См. подробнее: данная книга, Глава 7. 7.1. Эволюция веры и безверия: статика и динамика.

⁵ Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 109.

17,3 % россиян полагают, что преподавание дарвинизма следует не запрещать, но сильно ограничить. 7,3 %, выступают за безусловное исключение теории Дарвина из школьных учебников, и, наконец, «наиболее радикальная часть российского общества, составляющая 4,8 %, даже требует ввести запрет вплоть до уголовного наказания за распространение такой “порочной”, по их мнению, теории, как дарвинизм»⁶. Эта позиция открыто поддерживается церковью, которая в своей «Социальной доктрине», принятой несколько лет назад, осуждая некоторые учения и явления, распространенные в обществе, и призывая к их ограничению и даже искоренению, в противовес эволюционной теории Ч. Дарвина, настаивает на «креативной» теории, согласно которой человек был сотворен Богом на «седьмой день творения»⁷. Одним из следствий неприятия естественнонаучного объяснения происхождения человека стал отечественный «обезьяний процесс», безусловно, прославивший Россию, но, увы, весьма печальным образом⁸.

Эволюция постсоветского общества и государства привела к тому, что отношение к теории биологической эволюции в России стало одним из наиболее характерных, знаковых показателей результатов этой эволюции, в том числе культурно-идеологических⁹. Идущая уже два десятилетия переоценка всех ценностей включает и переоценку соотношения эволюционной теории и религии. К тому же большинство отечественных и зарубежных историко-критических и философско-методологических работ, посвященных исследованию процесса формирования эволюционной теории Ч. Дарвина, было написано в период противостояния двух мировых систем. Но и для многих работ постсоветских времен характерна определенная идеологическая направленность и даже предвзятость. Поэтому то, что казалось очевидным и окончательно доказанным раньше (в 1980-е, или, напротив, в 1990-е гг.), либо кажется таковым в настоящее время, скорее всего, не столь очевидно и также нуждается как минимум в критическом рассмотрении и существенном уточнении.

Наконец, проблема соотношения и сосуществования религии и науки, веры и знания, включая эволюционную теорию, заслуживает внимания и понимания и сама по себе, безотносительно к тому, что вдруг

⁶ Бызов Л. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Levit I., Hossfeld U., Olsson L. Creationism in the Russian Educational Landscape // Reports of the National Center for Science Education. 2007. V. 27. N. 5–6. P. 13–17.

⁹ Конашев М. Б. Эволюционная теория и культурно-идеологическое состояние российского общества второй половины XIX — начала XXI вв. // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв.: Материалы всероссийской науч. конф. / Под ред. В. В. Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 134–139.

стало неожиданно актуальным сегодня. Соотнесение того, что человек известен как ученый, тем более с мировым именем, с тем, как он относился к религии и религиозной вере, оказывается вовсе не таким простым и однозначным, как это может показаться. Тем более что на ученых с мировым именем постоянно ссылаются в соответствующих идеологических спорах. Оппоненты стараются доказать, что тот или иной ученый, будь то А. Эйнштейн, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, или тот же Ч. Дарвин, был, вне всякого сомнения, верующим или, наоборот, неверующим. И одно это якобы уже доказывает совместимость или несовместимость науки и религии, а в случае Ч. Дарвина — эволюционной теории и веры. Поэтому, наверное, заслуживает отдельного рассмотрения то, как отдельные ученые, в первую очередь эволюционисты, решали эту проблему сами, если, конечно, она вообще перед ними стояла.

Глава 1

ЧАРЛЗ ДАРВИН И РЕЛИГИЯ¹⁰

1.1. От веры к сомнению, от сомнения к знанию

До и во время путешествия в 1831–1836 гг. Ч. Дарвин был религиозным человеком. Этот факт он сам признавал в своих «Воспоминаниях о развитии моего ума и характера», написанных им в основном с 31 мая по 3 августа 1876 г. Отдельные добавления были сделаны Ч. Дарвином в 1877–1881 гг., в том числе в 1879 г. появился раздел о религии, названный самим Дарвином «Религиозные взгляды». В этом разделе Ч. Дарвин написал, что во время плавания на «Бигле» он был настолько ортодоксальным верующим, что над ним смеялись некоторые офицеры за его цитирование Библии как последней инстанции в вопросах морали¹¹.

В период с 1836 по 1839 г. у Дарвина уже появились некоторые сомнения, в частности сознание того, что «Ветхий завет — с его до очевидности ложной историей мира, с его Вавилонской башней, радугой в качестве знамени... и с его приписыванием Богу чувств мстительного тирана — заслуживает доверия не в большей мере, чем священные книги индусов или верования какого-нибудь дикаря»¹². Но, как писал сам Дарвин, он «отнюдь не был склонен отказаться от своей веры» и даже мечтал об открытии рукописей, которые «подтвердили бы все, что сказано в Евангелиях»¹³. В то же время ему «становилось все труднее и труднее придумать такое доказательство», которое было бы в состоянии убедить его. В результате, утверждает Дарвин, «понемногу в мою душу закрадывалось неверие, и в конце концов я стал совершенно неверующим»¹⁴. Сам Дарвин не уточнял, когда именно это произошло, отметив лишь то, что происходило это медленно.

Как было показано еще в прошлом веке, отношение Дарвина к религии переменялось в течение нескольких лет после путешествия, в основном в 1842–1844 гг.¹⁵, когда он интенсивно работал над первым

---

¹⁰ Первоначально опубликовано: *Конашев М. Б.* Дарвин и религия // Человек. 2009. № 5. С. 22–37.

¹¹ *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума и характера. (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 98.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Гурев Г. А.* Чарлз Дарвин и атеизм. Очерк мировоззрения великого натуралиста. Л.: Наука, 1975. С. 147.

наброском своей эволюционной теории¹⁶. Окончательный же разрыв Дарвина с религией произошел в 1851 г. из-за смерти его дочери Анны¹⁷ и совпал с утверждением у него представления о естественном эволюционном происхождении человека. Если предположить, что отказ Дарвина от карьеры священника «не был отказом от Бога, по крайней мере, сначала»¹⁸, что Дарвин все же оставался верующим человеком, и «у нас нет права, пренебрегая реальными фактами и личными свидетельствами самого Дарвина, причислять его к лагерю безбожников»¹⁹, тогда, по меньшей мере, трудно объяснить целый ряд этих фактов из его жизни, его поступков и высказываний.

Когда капитан «Бигля» Р. Фиц-Рой рьяно выступил против основного вывода эволюционной теории Дарвина, настаивая на несомненности библейского сказания о сотворении мира, Ч. Дарвин заметил: «Жаль, что он не предложил своей теории, по которой мастодонт и прочие крупные животные вымерли по той причине, что дверь в ковчеге Ноя была сделана слишком узкой, чтобы он мог пролезть туда»²⁰. В письме к своему другу, американскому ботанику Аза Грею от 20 июня 1856 г., то есть до опубликования «Происхождения видов», Дарвин писал об идее сотворения видов: «Говорить, что виды были сотворены так-то и так-то — это не научное объяснение, а лишь благочестивый способ утверждения, что это есть так-то и так-то»²¹. В письме Ч. Лайелю от 2 сентября 1859 г. Дарвин писал о его колебаниях относительно эволюционной теории: «Не принимайте поспешно предвзятого решения (подобно многим натуралистам) идти только до известного пункта и никак не дальше, потому что я глубоко убежден, что безусловно необходимо или идти со мною до конца... или же придерживаться особого сотворения каждого отдельного вида»²². А в письме от 17 июня 1860 г. он утверждал: «Ни один астроном, показывая зависимость движения планет от тяготения, не считает нужным сказать, что закон тяготения был предназначен для того, чтобы планеты следовали по тем путям, по которым они следуют. Я не могу

---

¹⁶ Галл Я. М. К истории создания «Происхождения видов» // Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь: пер. с 6-го изд. (Лондон, 1872) / Отв. ред. акад. А.Л. Тахтаджян. 2-е изд., доп. СПб.: Наука, 2001. С. 485–516.

¹⁷ Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 498–503. См. также: Keynes R. Annie's Box: Charles Darwin, his Daughter, and Human Evolution. London: Fourth Estate Publishers, 2001.

¹⁸ Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 321.

¹⁹ Муравник Г. Чарльз Дарвин — атеист или христианин? URL: <http://tricolor.org/rus/nr/18/>

²⁰ More letters of Charles Darwin. V. 1. London, 1903. P. 129.

²¹ The Life and Letters of Charles Darwin. V. 2. London, 1887. P. 79.

²² Ibid. P. 165.

поверить, чтобы в строении каждого вида было хоть на крошку больше вмешательства Творца, чем в движении планет. Я полагаю, только благодаря Пейли и К^о это более специальное вмешательство почитается необходимым в отношении живых тел»²³.

Когда «Бигль», покинув острова Килинг, направился в обратный путь, представления Дарвина о самом себе и своем будущем были уже отличны от тех, которые он имел, покидая Англию. Теперь он хотел стать ученым, настоящим геологом и натуралистом, и уже не собирался становиться священником, полагая, что смог бы внести свой вклад в философию и без служения церкви. Отказ от первоначального плана стать священником еще во время путешествия на «Бигле» произошел постепенно и едва отмечен в его дневнике и письмах. Это намерение, как утверждал Дарвин впоследствии, умерло «естественной смертью». Вопрос о том, мог ли у действительно религиозного человека замысел стать священником умереть тихой и незаметной никому, включая него самого, «естественной смертью» — чисто риторический.

Вероятно, это произошло еще и потому, что в основе его замысла стать священнослужителем лежала отнюдь не «высокая», духовная, а вполне приземленная, мирская, даже меркантильная причина — его неустроенность. Дарвин мечтал об обеспеченной и тихой жизни в деревне, о чем общал в письмах своим сестрам и друзьям. Принадлежность к церкви давала такую перспективу, включавшую скромную, прилежную жену, время для досуга и полезных общественных дел. Осуществить этот замысел ему помогали сестры: пока он путешествовал, они подыскивали ему подходящую партию, к которой относили и Эмму Веджвуд.

Не менее важным было и еще одно обстоятельство. Дарвин собирался стать священником вовсе не для того чтобы нести слово божье прихожанам, а чтобы иметь возможность заниматься естественной историей, как некоторые его родственники и знакомые — сельские священнослужители²⁴. Однако после путешествия на «Бигле» возможность сочетать занятия естественной философией и служение религии, следуя примеру многих профессоров в Кембридже и других университетах, уже не привлекала Дарвина. Ему хотелось стать таким же «джентельменом-экспертом», как Ч. Лайель, который писал о природе без оглядок на кого-либо, по крайней мере, на теологов. Правда, Ч. Лайель постоянно подчеркивал, что, обходясь без такой помощи, сохраняет веру в Творца. Но Ч. Дарвин, читая и перечитывая его «Принципы геологии», находил между строчками то, что хотел найти — ничем не ограниченную свободу мысли. В положении

²³ Дарвин Ч. Избранные письма. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 132.

²⁴ Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 322–324.

Ч. Лайеля его привлекало то, что Ч. Лайель не был связан с университетским сообществом и мог говорить и писать, что думал. Он также не был связан с должностью приходского священника и вообще с церковью, мог свободно жениться и свободно думать. Для Ч. Дарвина очень важно было и то, что Ч. Лайелю был присущ пронизательный и живой взгляд на науку, историю и природу. Поэтому Ч. Лайель оказал значительное влияние на отношение Ч. Дарвина к религии.

Но еще более важными оказались те выводы, к которым он пришел в процессе создания своей эволюционной теории. В своих сомнениях, умственных поисках и раздумьях Дарвин не был одиноким гением, проверяя свои предположения и аргументы относительно религии и науки не только в диалоге с самим собой, но и со многими своими друзьями и врагами. Этот диалог, иногда с некоторой задержкой, иногда с перерывами, продолжался до конца его жизни.

Из-за разного с Ч. Лайелем отношения к проблеме происхождения человека Дарвин сначала в переписке с ним не упоминал о своем интересе к человеку вообще. Однако затем, при подготовке своей книги «Происхождение человека и половой отбор» и после ее издания, он вступил в полемику с ним и А. Уоллесом. Несмотря на все доводы Дарвина оба оставались сторонниками сверхъестественного происхождения человека, при котором отбор если и играл какую-то роль, то лишь подчиненную. А. Уоллес писал в этой связи: «Я допускаю естественное происхождение человека, но привожу факты, указывающие на то, что он был видоизменен действием другой силы, присоединившейся к действию естественного отбора, и это не значит, что я должен считаться отрицателем дарвинизма»²⁵. Обескураженный такой точкой зрения Уоллеса, Дарвин писал Лайелю 4 мая 1869 г.: «Я был ужасно разочарован в отношении человека; мне это кажется невероятно странным... И если бы я не знал обратного, я готов был бы поклясться, что это вписано какой-то другой рукой»²⁶.

Но Лайель тоже считал, что интеллектуальная и моральная природа человека есть результат «нарушения однообразного хода причинности, ранее действовавшей на земле». Поэтому 5 мая 1869 г. он ответил Дарвину: «Я не против его (Уоллеса — М. К.) идеи, что Высший Разум может управлять изменениями видов в порядке, аналогичном тому, как даже ограниченные способности человека могут руководить изменениями при отборе, как, например, в случае животновода и садовода... Так как я думаю, что постепенное развитие, или эволюция, не объясняется вполне естественным отбором, я даже приветствую предположение Уоллеса,

---

²⁵ Уоллес А. Р. Естественный отбор. СПб., 1878. С. 391.

²⁶ The Life and Letters of Charles Darwin. V. III. London, 1887. P. 117.

что может существовать Высшая Воля и Сила, которые могут не отстраняться от своих функций вмешательства, но могут руководить силами и законами Природы»²⁷. Дарвин же, убедившись в родстве человека с животным миром, уже не видел никакой необходимости в божественном объяснении происхождения человека. Поэтому 7 января 1860 г. он написал одному из своих друзей: «В отношении человека я очень далек от желания навязать свое убеждение, но я считаю нечестным совсем скрывать свое мнение. Понятно, никому не возбраняется верить, что человек появился в результате особого чуда, но сам я не считаю это ни необходимым, ни вероятным»²⁸.

Именно проблема человека была главной проблемой, стоявшей перед Дарвином, требовавшей своего рационального объяснения и вызвавшей его отход от религии. Приняв идею эволюции, Дарвин полностью принял и эволюционное, естественное происхождение человека²⁹. Смело включив человеческий род во всеобщую цепь органической эволюции, уже в «Записной книжке» 1837–1838 гг. Дарвин делает заметки, из которых следует, что человек произошел от обезьяноподобных предков. При этом он специально подчеркивает, что эволюционное представление о происхождении человека никоим образом не принижает, а напротив, возвышает его. Если человек сам, в результате собственной эволюции поднялся на высшую ступень органической лестницы, то у него есть все основания надеяться занять в будущем еще более высокое положение. В записных книжках Дарвин с научной честностью зафиксировал такие наблюдения о человеке и пришел к таким заключениям о человечестве, которые сначала были слишком шокирующим даже для него самого, не говоря уже о его жене Эмме и ближайших друзьях³⁰.

Предлагая свою эволюционную теорию происхождения человека, Ч. Дарвин вынужден был считаться с тем, что она встретит еще меньше понимания и поддержки, чем его эволюционное объяснение происхождения других видов. 30 июня 1870 г., заканчивая свой двухтомный труд «Происхождение человека и половой отбор»³¹, Дарвин писал своему другу Б. Дж. Селивану: «Этой весной я хочу опубликовать еще одну книгу, частично касающуюся человека, которую, я убежден, многие

²⁷ *Lyell Ch. Life, Letters and Journals. V. II. London: J. Murray, 1881. P. 442.*

²⁸ *The Life and Letters of Charles Darwin. V. 2. London, 1887. P. 264.*

²⁹ *Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 397–398.*

³⁰ *Ibid. P. 438–439.*

³¹ *Darwin Ch. The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex, 2 vols, London: John Murray, 1871. Первый русский перевод: Дарвин Ч. Происхождение человека и подбор по отношению к полу. В 2-х т. Пер. с англ. под ред. И. М. Сеченова. 2-е пересм. изд. Т. 1–2. СПб.: Черкасов, 1873. См. также: Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939–1959. Т. 5. С. 39–687.*

объявят очень нечестивой»³². Сообщая Аза Грею, теистически трактовавшему возможную роль естественного отбора, в начале 1871 г. о выходе «Происхождения человека», он прибавлял: «...не знаю, понравится ли она Вам. Некоторые части ее, — как например та, которая касается нравственного сознания, — я уверен, рассердит Вас»³³. 29 мая 1871 г. Дарвин писал пастору Броди Иннесу по тому же поводу: «Сказать Вам по правде, я иногда задавался вопросом, будете ли Вы смотреть на меня как на отверженного и погрязшего в грехах после опубликования моей последней книги. Я нисколько не удивлюсь тому, что Вы со мною не согласны, так как очень многие, считающие себя натуралистами, не согласны со мною. И все же я вижу, каким удивительным образом изменились взгляды натуралистов с тех пор, как я опубликовал «Происхождение». Я убежден, что через десять лет будет такое же единодушие относительно человека, поскольку вопрос касается его физического сложения»³⁴. Даже Ч. Лайель не раз признавался Дарвину, что одна из важнейших причин его критического отношения к эволюционной теории заключается в его чувстве отвращения к тому, что человек, которого он привык считать «падшим ангелом», ведет происхождение «от оранга», обезьяноподобного существа. Та же причина часто лежит и в основе неприятия эволюционной теории современными людьми, включая некоторых ученых³⁵.

В споре с Лайелем о возможности эволюционного происхождения человека Дарвин надеялся прежде всего на силу научного аргумента. Поэтому он пытался рассеять его сомнения в письме от 11 октября 1859 г.: «Поворотным пунктом в нашем несогласии является то, что вы считаете невозможным, чтобы умственные способности вида улучшались посредством непрерывного естественного отбора наиболее развитых в умственном отношении индивидуумов. Чтобы показать, как постепенно изменяются степени ума, стоит только подумать, что до сих пор никто не нашел возможности определить отличие ума человека от ума низших животных; у последних, по-видимому, те же самые свойства находятся на более низкой ступени совершенства, чем у самого первобытного дикаря»³⁶.

В «Происхождении человека» Дарвин прямо указывал на то, что если человек выделился из животного мира, то у него, конечно, такая же «смертная душа», как у любого животного — обезьяны, кошки, собаки

³² The Life and Letters of Charles Darwin. V. 2. London, 1887. P. 126.

³³ Ibid. P. 131.

³⁴ Ibid. P. 140.

³⁵ Боркин Л. Я., Ермолаев А. И., Конашев М. Б. Наука и общество: государственное образование и религия (анализ одной инициативы) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: Международный ежегодник. Вып. XXIV. Материалы XXIII сессии Международной школы социологии науки и техники / Под ред. проф. С. А. Кугеля. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. С. 241.

³⁶ The Life and Letters of Charles Darwin. V. 2. London, 1887. P. 211.

и прочих. Он заключал: «Тот, кто верит в постепенное развитие человека от некоторой низкоорганизованной формы, естественно должен спросить: как согласуется такое понятие с верой в бессмертие души?.. Очень немногие люди будут тревожиться невозможностью определить, в какой именно период развития особи, начиная от появления первого следа микроскопического зародышевого пузырька, человек начинает становиться бессмертным существом; и я не вижу более серьезных причин тревожиться по поводу того, что и в постепенно восходящей органической лестнице этот период не может быть определен с точностью»³⁷.

В основе отношения Дарвина к проблеме человека, безусловно, лежала его этическая позиция, по которой все человеческие существа, принадлежа к одному и тому же биологическому виду, являются людьми. Следовательно, каждый человек заслуживает отношения к себе именно как к человеку, и относиться к другим людям должен согласно «золотому правилу» нравственности. Поэтому Дарвин всегда оказывался на стороне тех, кто боролся за достоинство и свободу, считая рабство «величайшей язвой на земле» и «чудовищным пятном нашей хваленой свободы». Во время плавания на «Бигле» при разговорах на политические темы у Дарвина в основном из-за этого постоянно возникали столкновения с капитаном корабля Фиц-Роем. Один из таких споров, когда Фиц-Рой начал защищать рабство, а Дарвин — доказывать его гнусность, принял такой бурный характер, что Дарвин даже готов был оставить корабль³⁸.

Во время путешествия ему пришлось немало насмотреться на рабство негров, возбуждавшее в нем сильнейшее нравственное негодование. Когда Дарвин уезжал из Англии, ему говорили, что его воззрения изменятся, после того как он поживет в рабовладельческих странах. Однако, как отмечал Дарвин, «единственное изменение, которое я замечаю в себе, это то, что я еще более научился ценить характер негров»³⁹. Приобретенный Дарвином личный опыт свидетельствовал о том, что рабы — такие же люди, как и рабовладельцы, как все остальные представители вида *Homo sapiens*. Стоны невольников, услышанные Дарвином в Латинской Америке, много лет преследовали его во сне. В июне 1832 г. он писал своему другу Герберту из Рио-де-Жанейро: «Превратите английского рабочего в жалкого раба — и вы не узнаете прежнего ландшафта»⁴⁰. Узнав, что Лайель относится к работорговле довольно снисходительно,

³⁷ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. С. 651.

³⁸ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 88. См. также: *Brownie J.* Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 198–199; *Гурев Г. А.* Чарльз Дарвин и атеизм. Очерк мировоззрения великого натуралиста. Л.: Наука, 1975. С. 60.

³⁹ *The Life and Letters of Charles Darwin.* V. 1. London, 1887. P. 240.

⁴⁰ Там же. P. 239.

он 1 августа 1845 г. написал ему: «Ваши рассуждения о рабстве крайне возмутили меня; но так как мое мнение об этом предмете имеет для вас столько же значения, как пепел этого письма, то я не стану прибавлять больше. Скажу только, что обязан Вам несколькими тягостными бессонными часами»⁴¹.

Аналогичным образом относился Дарвин к проблеме промышленных «рабов» в самой Англии. Дарвин не видел разницы между положением, в котором находились английские рабочие, и положением рабов в Латинской Америке⁴². В августе 1836 г. он писал в «Путешествии натуралиста вокруг света»: «Нередко пытались ослабить ужас рабства, сравнивая положение рабов с положением наших неимущих классов; если нищета наших бедняков является следствием не естественных законов, а нашего государственного строя, то великий грех и на нас... Люди, сочувственно взирающие на рабовладельца и холодно относящиеся к рабу, по-видимому, никогда не пробовали вообразить себя в положении последнего: какая безотрадная жизнь, без всякой надежды на перемену! Вообразите только, что вам вечно угрожает опасность, что вашу жену и ваших маленьких детей... отнимут у вас и продадут, как скотов, первому встречному! И такие дела делаются и защищаются людьми, которые исповедуют, что надо любить ближнего, как самого себя, веруют в бога и молятся: да будет воля его исполнена на земле! Кровь кипит в жилах и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла»⁴³. Естественно, что когда стал разгораться конфликт между северными и южными штатами по вопросу о невольничестве, Дарвин всей душой был на стороне северян. 5 июня 1861 г. он писал Аза Грею: «Некоторые, в том числе и я, даже готовы молить бога, чтобы Север, хотя бы ценой миллионов жизней, объявил поход против рабства... Великий боже! Как бы я хотел видеть уничтожение величайшего проклятия на земле — рабства!»⁴⁴.

Дарвин не просто ужаснулся тому рабовладельческому обществу, которое он увидел в действительности. Рабство буквально потрясло его веру в человека и в бога, а его нравственное чувство или, проще говоря, его совесть, не позволяли ему смириться до конца жизни с существованием этого социального явления. Этому качеству Дарвин обязан в первую очередь благодаря семейному воспитанию и семейной традиции. Особое значение имел тот факт, что два предка Дарвина были центральными

---

⁴¹ Там же. P. 339.

⁴² *Browne J.* Op. cit. P. 198.

⁴³ *Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света // Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. xlvii. Т. 1. С. 417.

⁴⁴ *The Life and Letters of Charles Darwin.* V. 2. London, 1887. P. 374.

фигурами в подъеме общественного мнения в решающие годы долгой и непростой борьбы против рабства в самой Великобритании. Даже после законодательного запрета практика работорговли фактически сохранялась, и в британских колониях жизнь рабов не стала лучше⁴⁵.

Институт рабства еще долгое время сохранялся в целом ряде других стран. Дарвин смог убедиться в этом во время своего путешествия, пришедшегося на самый пик борьбы против рабства в Великобритании⁴⁶. То, что он увидел собственными глазами, было столь ужасающим, что казалось почти невероятным. Самым шокирующим для Дарвина оказалось то, что уважаемые люди, и в первую очередь капитан «Бигля» Фиц-Рой, вовсе не были потрясены увиденным так же, как сам Дарвин. Они воспринимали это как нечто вполне нормальное и естественное.

По возвращении из путешествия наряду с обработкой, систематизацией и обдумыванием собранных данных, включая все относящееся к человеку, Дарвин вплотную занялся также самоанализом. Он собирал все доступные ему факты и аргументы в пользу эволюционной связи между человеком и животными, в том числе специально сравнивал поведение детей и детенышей обезьян в зоопарке. В психике и поведении животных, в особенности в их общественных инстинктах, он выделял те черты, которые традиционно рассматривались как чисто человеческие. Дарвин полагал, что «чувства и впечатления, различные эмоции и способности, как любовь, память, внимание, любознательность, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке, а иногда даже и в хорошо развитом состоянии у низших животных»⁴⁷. При этом он

---

⁴⁵ *Ингерэм Дж. К.* История рабства, от древнейших до новых времен / пер. с англ. З. Журавской; с доп. из трудов Валлона, Турмана, Рамбо и Лависса в пер. Н. П. Новоборской. СПб.: О. Н. Попова, 1896. С. 191–234; *Его же.* История рабства от древнейших до новых времен / пер. с англ. З. Н. Журавской. Изд. 2-е. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 191–234; *Качкачев А. Б.* Всемирная история рабства. М.: типо-лит. И. И. Пашкова, 1907. С. 23–36; См. также: *Blake W. O.* The history of slavery and the slave trade, ancient and modern; the forms of slavery that prevailed in ancient nations, particularly in Greece and Rome, the African slave trade and the political history of slavery in the United States. Compiled from authentic materials, by W. O. Blake. Columbus, Ohio, J. & H. Miller, 1857. Detroit: Negro History Press, 1971; *Carey H. Ch.* The slave trade, domestic & foreign; why it exists & how it may be extinguished. N. Y.: A. M. Kelley, 1967; *Currie St.* Slavery. San Diego, Calif.: Greenhaven Press, 1999. Существует рабство в виде так называемого «нового рабства» и в современном мире. См. например: *Бейлз К.* Одноразовые люди: новое рабство в глобальной экономике [пер. с англ. Л. Б. Косова]. М.: Новый хронограф, 2006; *Драгунская И.* Код завинчивания: офисное рабство в России. М.: Альпина Паблишерз, 2010. *Мизулина Е. Б.* Торговля людьми и рабство в России: междунар.-правовой аспект. М.: Юристь, 2006; *Роик В. Д.* Свобода или новое рабство: судьба «социального вопроса» в России. М., 1997.

⁴⁶ *Browne J.* Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 196–197.

⁴⁷ *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 5. С. 239.

настаивал на том, что все *психические* различия между животными и человеком имеют лишь количественный характер.

В то же время Дарвин все же проводил резкую грань между человеком и животным. Он был согласен с тем мнением, что из всех различий между ними самое важное — наличие нравственного чувства, или совести у человека. Поэтому человек, в отличие от животных, есть существо нравственное. Таким нравственным существом Дарвин считал того, кто способен обдумывать свои прошлые поступки и побуждения к ним, одобряя одни и осуждая другие. В развитом нравственном чувстве Дарвин видел благороднейшее из всех свойств человека, заставляющее его без малейшего колебания рисковать своею жизнью ради ближнего.

1.2. Легко ли быть агностиком

После создания теории эволюции и публикации «Происхождения видов» Ч. Дарвина, ставшему в один день мировой знаменитостью, часто приходилось отвечать на письма и давать интервью. Но всякий раз он уклонялся от каких-либо публичных высказываний о религии, ссылаясь на свои более чем скромные умственные способности, особенно в метафизических вопросах. В письме от 16 ноября 1971 г. американскому журналисту Ф. Эбботу Дарвин так обосновывал свой отказ: «Я никогда не размышлял систематически о религии в отношении к науке или о нравственности в отношении к обществу, а без упорного и тщательного обдумывания таких предметов я, право, неспособен написать что-нибудь заслуживающее быть напечатанным».⁴⁸ Даже в «Воспоминаниях», предназначенных для семейного чтения, он весьма осторожно и отвлеченно определяет свою позицию: «Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком»⁴⁹.

Эта осторожность была вызвана тем, что Дарвин, очень дороживший своей семьей, домом, положением в обществе, боялся, что явно выраженные религиозные сомнения повредят принятию его эволюционной теории, его семье и ему самому. Открытое признание нерелигиозного характера эволюционной теории или собственных представлений Дарвина о религии могло стать причиной как семейной драмы, так и конфликтов с обществом. В письме к К. Марксу от 13 октября 1880 г. он следующим образом объяснил то, почему «всегда сознательно избегал

---

⁴⁸ Дарвин Ч. Избранные письма. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 226.

⁴⁹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 105.

писать о религии»: «Возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал, так или иначе, поддерживать прямые нападки на религию»⁵⁰. Тогда как он сам все более становился неверующим, его жена Эмма не только оставалась во всех смыслах членом англиканской церкви, но и пыталась как-то предостеречь мужа. Она опасалась, что Дарвин станет атеистом и будет наказан за это Господом в день Страшного суда. Дарвин в свою очередь переживал из-за того, что не может открыть ей все свои сомнения и все свое неверие, ибо это «убило» бы ее⁵¹.

Очевидная для тех времен «революционность» эволюционной теории заставила Дарвина представить ее в неполном, переносимом для близких и общественного мнения виде. Фактически Дарвин был вынужден прибегнуть к самоцензуре⁵², решив не затрагивать в «Происхождении видов» тему эволюции человека вообще⁵³. Вот почему относительно эволюции человека Дарвин ограничился следующим предположением: «Много света будет пролито на происхождение человека и на его историю»⁵⁴.

Учитывая общественную реакцию на выход в свет «Происхождения видов», Дарвин при подготовке второго издания книги специально добавил в заключительную главу фразу: «Я не вижу достаточных оснований, почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство»⁵⁵. Кроме того, под влиянием жены во второе издание Дарвин добавил и другую фразу о том, что «жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм»⁵⁶, послужившую одним из главных оснований для утверждений о религиозности ее автора. Позднее Дарвин сожалел об этой уступке, но так и не решился убрать саму фразу. В письме Дж. Хукеру от 29 марта 1863 г. он, в частности, пояснял: «Но я уже давно сожалею, что уступил общественному мнению и употребил выражение Пятикнижия — “сотворение”, под которым я на самом деле только подразумеваю “появление” вследствие какого-то совершенно неизвестного нам процесса»⁵⁷.

Пытаясь хотя бы частично подготовить общественное мнение, Дарвин сумел привлечь на сторону своей эволюционной теории некоторых

⁵⁰ Дарвин Ч. Избранные письма. С. 275.

⁵¹ Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton, 1995. P. 411.

⁵² Конашев М. Б. Чарльз Дарвин и самоцензура // Цензура в России: История и современность. СПб.: Изд-во РНБ, 2005. Вып. 2. С. 128–136.

⁵³ Browne J. Charles Darwin: Voyaging. A Biography. Princeton, 1995. P. 438–439.

⁵⁴ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. 2-е изд., доп. СПб.: Наука, 2001. С. 418.

⁵⁵ Там же. С. 413.

⁵⁶ Там же. С. 419.

⁵⁷ The Life and Letters of Charles Darwin. V. III. London. 1887. P. 118.

общественных деятелей, в первую очередь представителей церкви, среди которых были его друзья — в частности Джон Броди Иннес, Чарльз Кингсли и Баден Рауэлл. Тем не менее, в неверии Дарвина нисколько не сомневались его современники. Так, английский историк и публицист Т. Карлейль в конце 1876 г. публично заявил, что знал три поколения Дарвинов — деда, отца и сына, — все атеисты! Лютеранский богослов Хр. Лютард видел в эволюционной теории Дарвина «научное оправдание для устранения Бога, т. е. для атеизма» и поэтому считал ее социально опасной: «Ведь если не существует Бога на небе, то люди должны играть роль Провидения на земле и устроить мир по своим собственным мыслям. Тогда и видно будет, к чему приведет все это: французская революция окажется детской игрой»⁵⁸. Современные последователи такой логики «постоянно утверждают, будто дарвинизм (и лично Дарвин) виноваты буквально во всех бедах человечества: от ГУЛАГа и Освенцима до пропаганды аборт»⁵⁹, в том числе на своих сайтах в Интернете⁶⁰.

Об эволюционной теории Ч. Дарвина как «научном оправдании атеизма» писали и российские дореволюционные публицисты, и религиозные деятели. Н. Я. Данилевский полагал, что эволюционная теория Дарвина несовместима с религией, так как имеет явный атеистический характер, и «изменяет, переворачивает не только наши ходячие и наши научные биологические взгляды и аксиомы, а вместе с этим и все наше мировоззрение до самого корня и основания»⁶¹. Проф. А. А. Тихомиров и вовсе назвал дарвинизм «антихристианнейшим» учением, упразднившим саму основу христианского воззрения на природу — идею предустановленного в мире порядка и совсем особого положения человека среди других земных существ. Поэтому в лице дарвинизма наука, как утверждал А. А. Тихомиров, подняла оружие против христианства, и в этом ее тягчайшая вина⁶².

О том же пишут и сегодня не менее резко: «Действительно, вопреки распространенному мнению о том, что христианская религия и дарвинизм не противоречат друг другу, дарвинизм отрицает религию и не

⁵⁸ Лютард Хр. Э. Апология христианства // Публ. чтения Хр. Э. Лютардта, орд. проф. Лейпцигского ун-та / Пер. с XI нем. изд. с прил. чтений о «Соврем. западе в религиоз.-нравств. отношении» А. П. Лопухина. СПб.: И. Л. Тузов, 1892. xxviii. С. 645, 650–651.

⁵⁹ Еськов К. Ю. Что Патриарх хотел сказать про дарвинизм? // Научный атеизм. URL: http://www.atheism.ru/library/Eskov_3.phtml

⁶⁰ Харун Я. Истинная идеологическая подоплека терроризма. Дарвинизм и материализм. URL: http://www.harunyahya.ru/article_darwinism_materialism.html

⁶¹ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб.: М. Е. Комаров, 1885. Т. 1. Ч. 2. XVI. С. 6.

⁶² Тихомиров А. А. Вина науки (спинозизм и дарвинизм) // Вера и Церковь. 1907. С. 42–46; см. также: Olson R. G. Science and Religion, 1450–1900: From Copernicus to Darwin. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2004. xxvii.

только потому, что автор ее возненавидел Бога, поклоняясь новому идолу — естественному отбору, но также и потому, что учение Дарвина и его последователей отрицает целенаправленность в эволюции и сводит всю историю жизни на Земле к борьбе за существование и выживанию более приспособленных»⁶³.

Иногда это мнение выражается в более «толерантной» форме. Так, например, в 2006 г. представитель Московской патриархии, митрополит Калужский и Боровский Климент на пресс-конференции в Москве высказался против доминирования в школах теории дарвинизма и в очередной раз призвал ввести в школьную программу «Основы православной культуры»⁶⁴.

По поводу подобных обвинений в конце XIX в. датский философ Г. Геффдинг писал: «Выражалось мнение, что дарвинизм есть не только безнравственное, но даже материалистическое и атеистическое учение. Но если разуместь под материализмом только сведение явлений к определенным естественным законам, исключаяющим всякое сверхъестественное вмешательство, то Дарвин, конечно, материалист... Дарвин расширил область естественной связи: он содействовал тому, что привычка мыслить положительно и обходиться без теологических причин сделалась более распространенной среди естествоиспытателей, а затем и в более широких кругах»⁶⁵.

Главная проблема для Дарвина состояла в тех социально-идеологических требованиях, «неписаных законах», которые были общепринятыми в английском обществе его времени. В этом обществе религия была в той же степени вопросом классовой принадлежности и правильного, одобряемого обществом поведения, в какой она являлась чисто идеологической, «духовной» доктриной. В то же время формальная, демонстрируемая приверженность принципам церкви необходимым и обязательным образом сочеталась с социальным статусом человека в обществе. Для Дарвина это означало безусловное выполнение определенных обязанностей. Хотя можно было сомневаться в религиозных догматах в семье или в кругу друзей, лишь очень немногие осмеливались полностью и открыто отказаться от «условностей» традиционной, нормальной жизни. Ведь прослыть атеистом было, по меньшей мере, неприлично, если не преступно⁶⁶.

⁶³ Закат дарвинизма. URL: http://homosapiens3.narod.ru/darvinizm/zakat_darvinizma.htm

⁶⁴ В Московской патриархии сожалеют, что в школах по-прежнему доминирует дарвинизм. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=9182>

⁶⁵ *Геффдинг Г.* История новейшей философии: Очерк истории философии от Канта до наших дней. СПб.: ред. журн. «Образование», 1900. С. 395.

⁶⁶ *Брэдли Ч.* Атеизм. Достоинство, свобода и независимость. Рабство женщины. СПб.: Издание А. М. Солнцева, 1907. С. 34–35. См. подробнее: *Berman D.* A History of Modern

Подтверждением этого является и тот факт, что полностью «Воспоминания» Ч. Дарвина впервые были изданы не на английском, а на русском языке — в 1957 г.⁶⁷, за год до их опубликования на его родине⁶⁸. В текст «Воспоминаний», впервые опубликованных в Англии в сильно сокращенном виде Ф. Дарвином под названием «Автобиография» в 1887 г. в составе первого тома рукописного наследия Ч. Дарвина⁶⁹, в издание 1903 г. тем же Ф. Дарвином некоторых исключенных им отрывков⁷⁰ и в публикацию в 1933 г. внучкой Ч. Дарвина Норой Барло тех страниц «Воспоминаний», которые посвящены характеристике капитана «Бигля» Роберта Фиц-Роя, данных в «Автобиографии» также с большими сокращениями⁷¹, раздел о религии не вошел. Таким образом, лишь почти сто лет спустя после опубликования «Происхождения видов» respectable Англия смогла смириться с тем, что Дарвин был неверующим.

Atheism in Britain: From Hobbes to Russel. London, 1988; *Brooke J. H.* Science and Religion: Some Historical Perspectives. New York: Cambridge University Press, 1991.

⁶⁷ *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума и характера. (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

⁶⁸ *Darwin Ch.* Autobiography. With original omissions restored; edited with appendix and notes by his grand-daughter, Nora Barlow. London: Collins, 1958.

⁶⁹ *The Life and Letters of Charles Darwin.* V. I. London. 1887. P. 26–107.

⁷⁰ *More Letters of Charles Darwin.* V. I. London. 1903. P. 30, 49.

⁷¹ *Charles Darwin's Diary of the Voyage of H. M. S. "Beagle".* Edited from the MS by Nora Barlow. Cambridge, 1933. P. XV–XVIII.

Глава 2

ФЕОДОСИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДОБРЖАНСКИЙ И РЕЛИГИЯ⁷²

В первой четверти XX в. эволюционная теория Ч. Дарвина переживала так называемый «кризис дарвинизма». Она не раз подвергалась суровой критике, в первую очередь самими биологами, но ими же дополнялась и развивалась. В результате процесса, получившего красивое и многозначачщее наименование «эволюционного синтеза» и протекавшего в основном в 1930–1940-е гг., эта теория была преобразована благодаря нескольким выдающимся биологам из разных стран, своего рода «могучей кучке» в эволюционной биологии XX в., в знаменитую «синтетическую теорию эволюции», или СТЭ⁷³. Потеряв постепенно свое первоначальное историческое название, но сохранив и усилив свои основные, дарвиновские принципы и положения, СТЭ была названа по праву «дарвинизмом в XX веке»⁷⁴, выдержав, как и теория эволюции Ч. Дарвина самые серьезные научные дискуссии и немало вненаучных нападок с самых разных сторон. Став сложнее и богаче, она и сегодня, называясь обычно современной эволюционной теорией (СЭТ), находится вне конкуренции, свидетельством чему могут служить прошедшие по всему миру юбилейные дарвиновские конференции, в том числе и в России, в Санкт-Петербурге⁷⁵.

Одним из «отцов-основателей» СТЭ, ее «генеральным конструктором» был наш соотечественник, один из создателей ленинградской школы генетики и отечественной генетики в целом, а также международной школы эволюционной генетики, мыслитель и гуманист Феодосий Григорьевич Добржанский⁷⁶. Отправившись в 1927 г. из Ленинграда

---

⁷² Первоначально опубликовано: *Конашев М. Б.* Добржанский и религия // Человек. 2010. № 1. С. 30–48.

⁷³ См. подробнее: *Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд. Отдел УНЦ, ДО МГУ, Прогресс–Традиция, АБФ, 1999. С. 391–454; *Галл Я. М., Георгиевский А. Б.* Синтетическая теория эволюции как современный этап развития дарвинизма // Биология в школе. 1973. № 3. С. 7–15; № 4. С. 5–15; *The Evolutionary synthesis: perspectives on the unification of biology / Eds. E. Mayr and W. Provine.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

⁷⁴ *Медников Б. М.* Дарвинизм в XX веке. М.: Сов. Россия, 1975.

⁷⁵ Чарльз Дарвин и современная наука. Тезисы междунар. научн. конференций «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург) и «Теория эволюции: между наукой и идеологией. Историко-научные и философско-методологические проблемы эволюционизма» (23–25 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2009; Чарльз Дарвин и современная биология: Труды Междунар. научн. конференции (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор–История, 2010.

⁷⁶ *Конашев М. Б.* Ровесник генетики, ровесник века: Ф. Г. Добржанский (1900–1975 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор–История, 2008. С. 193–228.

в США в научную командировку для стажировки в лаборатории создателя хромосомной теории наследственности Т. Г. Моргана, в декабре 1929 г. после долгих и мучительных раздумий Добржанский принимает решение остаться на какое-то время за океаном для завершения своих исследований. Лишь двумя годами позже, в августе 1931 г., после безуспешных попыток найти подходящее, прежде всего, для продолжения этих исследований место на родине, убедившись окончательно в том, что такого места в новом, пережившим «великий перелом» сталинском СССР для него нет и быть не может, он сообщает Н. И. Вавилову, что, увы, «и на этот раз дело не вышло»⁷⁷. Не выполнив совета прибыть как можно скорее, сначала де-факто, а затем и «де юре» он становится «невозвращенцем» со всеми вытекавшими последствиями, главным из которых было то, что дорога на родину даже в качестве американского ученого и гостя для него навсегда оказалась закрыта⁷⁸.

Закрытыми или, по меньшей мере, тернистыми оказались для него, однако, и многие другие пути. Немалой преградой или проблемой часто становилось его советское происхождение, что однажды, из-за возможного отказа в бразильской визе, заставило его в сердцах записать в дневнике 17–18 февраля 1943 г.: «И все это из-за того, что я сделал ошибку, родившись в России, а не здесь!»⁷⁹. Причиной многих, если не большинства из этих, совсем неожиданно или вполне ожидаемо вставших перед ним проблем, было то, что социальная эволюция человека привела еще в самом начале XX в. к таким гигантским противоречиям, которые разрешались не иначе как через войны, революции и прочие большие и малые политические, экономические и культурные (включая мировоззренческие) катаклизмы. В судьбе Добржанского и в его мировосприятии, как и в судьбе многих и многих других людей, отразились в той или иной степени все основные, «веховые» противоречия, разломы XX в. К таким противоречиям, к таким, возникавшим как торнадо из этих противоречий, «предельным вопросам», относилось и противоречие между наукой и религией, знанием и верой, представление о неизменности мира и природы человека и эволюционной теорией.

Но почему именно противоречие, почему не что-то иное, какое-нибудь более «дружественное», более гармоничное отношение? Такой или

---

⁷⁷ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 436.

⁷⁸ Об этом решении Ф. Г. Добржанского см. подробнее: *Конашев М. Б.* Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263.

⁷⁹ APSL. В: D65 Th. Dobzhansky Papers. См. подробнее: *Конашев М. Б.* Ровесник генетики, ровесник века: Ф. Г. Добржанский (1900–1975) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Выпуск четвертый. СПб.: Нестор–История, 2008. С. 209–210.

похожий вопрос можно было бы задать, если встать на точку зрения тех, кто убежден или делает вид, что убежден в совместимости науки и религии, в их своего рода «взаимодополняемости»? Потому что таковым противоречием оно было для Добржанского с самого начала и осталось до конца жизни, которая в каком-то смысле и была посвящена попытке его разрешить. Потому что перед ним, как и перед Ч. Дарвином, стояла проблема совместимости (или несовместимости) науки и религии, его собственной эволюционной теории и веры в Бога⁸⁰.

Как и в случае Дарвина, вопрос об отношении Добржанского к религии представлял бы интерес лишь с биографической или идеологической точки зрения, если бы не имел прямого отношения к тому, какую роль сыграло это отношение в создании Добржанским его эволюционной теории, какие общекультурные, мировоззренческие выводы он сделал на ее основе для самого себя, и какими из них он посчитал необходимым поделиться с коллегами по научному сообществу и с другими людьми, с «человеком с улицы», как говорят американцы. Судя по всему, Феодосий Григорьевич как будто всегда был и оставался только верующим. Другое дело, что эволюционная теория привела его к тому, что он оказался непростым, особым верующим, пересмотревшим для себя и для других прежде, в первую очередь религиозные ответы на «пределные вопросы» и оказавшийся способным поставить сами эти вопросы заново, *эволюционно*. Поэтому, в отличие от Дарвина, Добржанский не оставил религию как нечто ненужное, просто вышедшее из употребления, причем с той легкостью и искренним облегчением, с какими при первой подходящей возможности пересаживаются даже из золоченой кареты в автомобиль, пусть еще тархтящий и воняющий. Он попытался обосновать и оправдать религию, свою веру с помощью эволюционной теории, помочь религии как мог.

2.1. Предопределение как свободный выбор

Основой для этой попытки, по крайней мере, одной из основ, причем одной из главнейших, стало само его детство, начиная еще с обстоятельств его рождения и наречения его таким необычным именем. Добржанский родился 25 января (12 января по старому стилю) 1900 г. в провинциальном городке Немирове Подольской губернии огромной Российской империи (в советское время это была Винницкая область Украины) в семье преподавателя математики в начальных классах русской мужской гимназии.

⁸⁰ См. выше, Глава 1. Чарлз Дарвин и религия. См. также: *Конашев М. Б.* Дарвин и религия // Человек. 2009. № 5. С. 22–37.

Там же, в Немирове, прошли его первые детские годы. Отец Феодосия Григорий Карлович Добржанский (10.01.1861–10.01.1918), был выходцем из семьи мелкопоместных польских землевладельцев, а мать, урожденная Софья Васильевна Войнарская (10.01.1864–8.05.1920), занималась домашним хозяйством и, когда родился Феодосий, — его воспитанием и домашним образованием. Она происходила из семьи священнослужителя, была, как и подавляющее большинство женщин царской России, особенно в провинции, глубоко верующей, и являлась дальней родственницей Ф. М. Достоевского⁸¹. По семейной легенде, у Добржанских долго не было детей и они, видимо, по настоянию Софии Васильевны, решили совершить паломничество в Черниговский монастырь святого Феодосия, дав обет: если родится сын, назвать его Феодосием⁸².

Естественно, что домашнее воспитание имело прежде всего глубоко религиозный характер, что предполагало для Феодосия безусловное знание не только христианских заповедей, но и текста Библии. Став взрослым, Добржанский не раз прибегал к использованию некоторых фрагментов библейского текста в личном общении. Об этом в частности свидетельствуют переписка 1927–1930 гг. с его учителем, в высоком значении этого слова, Ю. А. Филипченко⁸³, учредителем первой в стране кафедры генетики в 1919 г., и некоторые его работы, посвященные философским и иным гуманитарным аспектам эволюционизма. Так, характеризуя состояние генетики в письме от 16 октября 1928 г., Добржанский писал: «Период затишья характеризовался, так сказать, перевариванием морганизма, сейчас это кончено, это уже классическая доктрина, нечего ее переворачивать, надо идти дальше, и при том не вширь, а вглубь! Герриберта Нильсона и <сродников> его можно оставить без всякого внимания: *пусть мертвые хоронят своих мертвецов* (выделено мною — М. К.), живым течениям в науке они не опасны, так как это трупы»⁸⁴.

В то же время, поскольку отцу страстно хотелось, чтобы его единственный сын не только пошел по его стопам, но и смог превзойти его, получив

⁸¹ Богданов Н. Н. Его родословная // Природа. 2000. № 12. С. 65–67. См. также: Богданов Н. Н., Роговой А. И. «Семейным сходством будь же горд...» Феодосий Добржанский (Глава 7) // Богданов Н. Н., Роговой А. И. Родословие Достоевских: В поисках утерянных звеньев. М.: Акрополь, 2008. С. 146–159.

⁸² Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. №1. С. 57. См. также: Land B. Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Th. Dobzhansky. N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1973. P. 17–18.

⁸³ Конашев М. Б. Редкое сочетание мужества, таланта и беззаветного служения науке и родине. Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Вып. 2. СПб.: б/и, 1998. С. 51–62.; Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 1978.

⁸⁴ У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. С. 117. См. также: van der Meer Jitse M. Theodosius Dobzhansky (1900–1975) // Eminent Lives in Twentieth-Century. Science & Religion / Ed. N. A. Rupke. N. Y.: Peter Lang, 2007. P. 80.

то, чего по неблагоприятному повороту событий не удалось получить Григорию Карловичу, — университетское образование и диплом, и стать врачом или инженером, на естественнонаучное образование Феодосия оба родителя не жалели ни сил, ни времени. Хотя российская гимназия того времени мало что могла дать ученикам в этом отношении, и родителям, и Феодосию повезло, поскольку, благодаря проявленным способностям и интересу, учитель биологии разрешил не только пользоваться его библиотекой, но и единственным в школе микроскопом. Кроме того, вскоре Феодосий подружился с другим гимназистом, Вадимом Александровским, в библиотеке которого друзья, как вспоминал Феодосий, случайно обнаружили «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Доступ к библиотеке не был запрещен, но она явно не предназначалась для любознательных подростков. Чтение знаменитого труда Дарвина произвело на Добржанского такое впечатление, что, по его собственному утверждению, именно тогда, еще 14 или 15-летним мальчиком он сразу решил стать биологом⁸⁵ и, как можно предположить, конечно же, знаменитым ученым, может быть, даже таким же великим эволюционистом, как Дарвин.

Вероятно, и с этим согласуется утверждение самого Добржанского⁸⁶, именно в тот период, даже в тот момент, он впервые по-настоящему, во всей ее глубине осознал проблему соотношения религии и науки и личную потребность найти ее приемлемое решение. Бурные и драматические события последующих нескольких лет лишь обострили проблему, сделали потребность еще насущнее, а поиск решения — настоятельнее и неотложнее.

Являясь студентом Киевского университета св. Владимира, Добржанский попадает в самый эпицентр грянувшей для обывателя как гром среди ясного неба революции и последовавшей за ней гражданской войны, когда человек мог расстаться с жизнью в любую минуту. Во время войны Добржанский потерял отца и мать, своего первого учителя в высоком значении этого слова, профессора Киевского университета С. Е. Кушакевича, скончавшегося в эмиграции⁸⁷. Революция и война сделали для Добржанского еще более необходимым найти смысл жизни⁸⁸.

Казалось бы, пройдя через такие испытания и потери, естественно было либо разувериться вовсе, как разуверились многие тогда и в особенности позднее, став очевидцам и участниками Второй мировой войны

---

⁸⁵ *Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 57.*

⁸⁶ *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. N. Y.: The New American Library, Inc. 1967. P. 1.*

⁸⁷ *Конашев М. Б. По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900–1975) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. Вып. 1. С. 47.*

⁸⁸ *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P. 1.*

со всеми ее ужасами, включая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В сознании немалого числа верующих, включая теологов, никак не укладывалось, что всемогущий и любящий бог мог допустить такое. Либо можно было уверовать еще больше и сильнее, вплоть до посвящения всего себя служению господу и отказу от мирской жизни. Но Добржанский не становится священником, как все мужчины в роду его матери, а при первой возможности возвращается в университет и, будучи еще студентом, целиком, без остатка отдается науке. Именно с ее помощью, точнее с помощью эволюционной теории, а не религии, он надеется решить для себя проблему человека и смысла человеческой жизни, проблему его предназначения. Путеводной звездой ему служит дарвиновская теория эволюции и новая, совсем тогда еще молодая наука, — генетика.

В тот период развития генетики основной целью, в том числе в эволюционном отношении, было изучение природы наследственной изменчивости, в особенности мутаций. Главным объектом исследований уже стала плодовая мушка дрозофила. Добржанский надеялся с помощью эволюционно-генетических исследований на дрозофиле разрешить проблему человека, и ему это действительно в определенном смысле удалось. Не случайно одна из его статей 1960-х гг. была посвящена значению генетических исследований дрозофилы для понимания эволюции человека⁸⁹, а доклад на 10-м Международном генетическом конгрессе в 1958 г. в Монреале назывался не иначе как «Генетика и предназначение человека»⁹⁰. Именно в 1920-е гг. у Добржанского складывается ядро его будущей эволюционной концепции, ее первый набросок, с которым он и отправляется в США⁹¹.

А что религия? Одним из главных, если не самым главным парадоксом биографии Добржанского является то, что в это время религии, веры в ней вроде бы нет. Во всяком случае, в документах, сохранившихся в разных отечественных и зарубежных архивах, а также в его научных и иных публикациях, нет никаких следов не только того, что религия и вера играли какую-либо важную роль в его научных поисках, но

---

⁸⁹ *Dobzhansky Th.* Bearing of evolutionary studies of *Drosophila* on understanding of human evolution // *Scientia* (Bologna). 1960. V. 54. P. 1–4.

⁹⁰ *Dobzhansky Th.* Genetics and the destiny of man // *Proc. 10th Int. Cong. Genetics*. 1959. V. 1. P. 468–474.

⁹¹ См. подробнее: *Конашев М. Б.* Ю. А. Филипенко, Ф. Г. Добржанский и проблема экспериментального изучения видовой изменчивости // *Эволюционная биология: история и теория*. Вып. 3. / Под ред. Я. М. Галла, Э. И. Колчинского. Сост. А. В. Полевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ин-та истории РАН «Нестор–История», 2005. С. 129–147; *Его же*. Ф. Г. Добржанский и становление экспериментального изучения эволюции // *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция*, 2005. М.: Диполь–Т, 2005. С. 353–356.; *Его же*. Становление эволюционной теории Ф. Г. Добржанского. СПб.: Нестор–История, 2010. С. 30–66.

даже того, что в это время он был верующим. Бог, вера, церковь ни разу не упоминаются ни в одном из многочисленных писем Добржанского конца 1920-х — начала 1930-х гг. к его коллегам и старшим товарищам (В. И. Вернадскому, Ю. А. Филипченко, Н. И. Вавилову⁹², Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитскому, И. И. Шмальгаузену), младшим товарищам (М. Л. Бельговскому, Н. П. Дубинину, Н. Н. Колеснику, Я. Я. Лусису, Т. К. Лепину, Р. А. Мазинг, Н. Н. Медведеву), в том числе близким друзьям — В. В. Алпатову, Ю. Я. Керкису, М. М. Левиту, Г. И. Шпету⁹³. Не только с друзьями, но и со многими из коллег, в особенности с Ю. А. Филипченко, Добржанский был достаточно откровенен и обсуждал не только свои личные, в том числе семейные, но и культурные, мировоззренческие проблемы. Предполагать, что корреспонденты, зная о возможной перлюстрации (а некоторые из них скорее всего не питали никаких иллюзий на этот счет), избегали писать на религиозные темы, нет оснований, ибо в переписке затрагивались темы гораздо более острые и, так сказать, опасные для корреспондентов.

Первые работы о значении эволюционной теории для религии и некоторых аспектах соотношения науки и веры Добржанский публикует лишь в 1960-е гг.⁹⁴, хотя аналогичные работы по значению эволюционной теории для культуры и гуманизма начинает публиковать раньше, в 1950-е гг. Наконец, в дневнике Добржанского, который он вел на протяжении практически всей своей жизни с некоторыми перерывами, самый большой из которых приходится на период конца 1920-х — начало 1930-х гг.⁹⁵, тема религии появляется только в 1942 г.

Вопрос о том, оставался ли Добржанский верующим на протяжении всего этого времени, то есть всей юности, молодости и ранней зрелости, является столь же риторическим, сколь бессмысленным или, точнее, неверно поставленным вопросом. Значение имело и имеет вовсе не это,

⁹² У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002.

⁹³ Эти пока еще не опубликованные письма сохранились в нескольких государственных, ведомственных и личных архивах. Выдержки из переписки 1960–1970-х гг. см.: *Конашев М. Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // *Нестор*. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX века: источники, исследования, историография. Вып. 3 / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 361–389.

⁹⁴ См. например: *Dobzhansky Th.* Man consorting with things eternal // Ed. Shapley H. *Science Ponders Religion*. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1960. P. 117–135; *Idem.* Religion, death, and evolutionary adaptation // *Context and Meaning in Cultural Anthropology* / Ed. M. E. Spiro. N. Y.: The Free Press, 1965. P. 61–73; *Idem.* An essay on religion, death, and evolutionary adaptation // *Zygon*. 1966. V. 1. P. 317–331; *Idem.* Evolution: Implications for religion // *Christian Century*. 1967. V. 19. P. 936–941.

⁹⁵ Возможно, часть дневника, который Добржанский вел в толстых школьных тетрадах, оказалась утеряна, по его же предположению, во время одного из многочисленных переездов, но какая именно, теперь уже, видимо, установить невозможно.

а то, *каким* он был верующим и во *что* верил. Предположение о том, что он, само собой, верил в Бога, ничего не дает, так как при ближайшем рассмотрении выясняется, что и его Бог, и его вера отличались от общепринятых тогда и сейчас в православии. Насколько — другой вопрос, который в той мере, в какой это возможно, будет рассмотрен ниже.

2.2. Верующий неверующий

Добржанский, действительно, был человеком религиозным, о чем, прежде всего, свидетельствовал он сам и его ученики. Многие записи его дневника, в особенности последних лет жизни, начинаются или заканчиваются прославлением бога. Такова, например, запись от 1 марта 1971 г. с характерной, традиционной для его дневника этих лет концовкой: «Но, прежде всего — Господи, Слава Тебе!»⁹⁶. Он регулярно посещает церковь, где только может, всякий раз делая краткие или более пространственные записи в своем дневнике. Первая запись в дневнике такого рода от 11 октября 1942 г. сделана в Нью-Йорке, где он жил долгое время⁹⁷.

Совершая свою первую поездку в Японию, он посещает церковь и описывает ее 11 октября 1964 г. следующим образом: «Утром поехал в православную церковь Николаи-До. Это, очевидно, остаток императорской России. К моему удивлению, прихожане на девять десятых японцы, 4 священника тоже все японцы, служба тоже на девять десятых по-японски, но Отче Наш пели по-русски. Хор, человек 10 японцев, очень не плох, гораздо лучше, чем в нашей нью-йоркской церкви»⁹⁸. Чаще всего во время своих поездок в другие страны он, похоже, посещал русскую церковь во Франции, когда бывал в этой стране, в частности 9 и 24 апреля, 8 мая 1966 г.⁹⁹

В целом записи о посещении церкви похожи одна на другую, начинаясь примерно одинаково, как, например, эта, от 14 февраля 1943 г.:

---

⁹⁶ APSL (Americal Philosophical Society Library; Библиотека Американского философского общества). B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

⁹⁷ О полноте сохранности дневника: это первая запись о церкви, хотя первая сохранившаяся у самого Ф. Г. Добржанского тетрадь дневника имеет на обложке помету «Аляска. Июнь—Июль 1934. I.» и велась во время поездки на Аляску с исследовательской целью. В настоящее время в APSL имеется еще тетрадь с экспедиционным дневником Ф. Г. Добржанского, который он вел в Казахстане в 1926 г. Тетрадь была передана в APSL Александром Юльевичем Керкисом, сыном ученика и друга Ф. Г. Добржанского — Юлия Яковлевича Керкиса, во время международной конференции, приуроченной к 90-летию Ф. Г. Добржанского и проходившей в Ленинграде в сентябре 1990 г.

⁹⁸ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

⁹⁹ Там же.

«Ездили в церковь...»¹⁰⁰. Иногда, правда, Ф. Г. Добржанский был и более многословен. 28 октября 1951 г., в воскресенье, он написал: «Пошли в первую русскую церковь на 99-й улице. Церковь в одной комнате, на 3-ем этаже, с некрашенным деревянным иконостасом. Было человек 30 молящихся, очевидно все бывшие Д. Р.¹⁰¹ Служба самая лучшая, какую мне пришлось слышать в Америке. Священник, молодой еще человек, сказал 5-ти минутную проповедь, просто, без всякого пафоса»¹⁰².

О религиозности Ф. Г. Добржанского, в том числе некоторых ее особенностях, писали и его ближайшие друзья и коллеги за рубежом, в частности, Р. Левонтин. По свидетельству Дж. Пауэлла, в последние годы Ф. Г. Добржанский молился каждый день¹⁰³. Наконец, имеется и целый ряд других, в том числе косвенных подтверждений его религиозности. Он внимательно и заинтересованно, с точки зрения именно верующего человека, отмечал для себя, часто с печалью, состояние религии в тех странах, где побывал. 25 октября 1964 г. после посещения одного из японских храмов он вынужден был заключить: «Масса туристов, очень мало молящихся. Религия в Японии кажется в еще худшем состоянии, чем в Европе и в Америке». Во время другой поездки в Японию его вывод, сделанный 8 сентября 1968 г., был еще пессимистичнее: «Несмотря на трогательное гостеприимство, японцы, вероятно, одна из самых материалистических наций в мире. Религии у них в сущности нет — все буддистские и шантоистские монастыри и храмы, что мы посещали, имеют ничтожное количество молящихся, существуют главным образом для туристов и экскурсантов»¹⁰⁴. Похожую грустную для себя констатацию Ф. Г. Добржанский не раз делал и в самих США. 10 февраля 1952 г. он отметил в дневнике: «Ходили в церковь — собирался это сделать уже больше месяца. Народу там сильно прибавилось, церковь полна. Было несколько молодых людей, что особенно приятно, т. к. в русских церквях в Америке, в которые мы до сих пор ходили, молодежи почти что не было, во всяком случае, не было парней»¹⁰⁵.

В силу ряда обстоятельств личной жизни и эпохи, часть которых была упомянута выше, Ф. Г. Добржанский не представлял себе, как может нравственность не основываться на религии, и причину (по крайней мере, одну из причин) отступления от нравственности или ее отсутствия

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Англ.*, сокр. от displaced persons — перемещенные лица.

¹⁰² APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹⁰³ *Krimbas C. B. The Evolutionary Worldview of Theodosius Dobzhansky // The Evolution of Theodosius Dobzhansky / Ed. M. B. Adams. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 188.*

¹⁰⁴ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹⁰⁵ Там же.

видел в недостатке религиозного воспитания. После общения с внуком Николаем он записывает в дневнике 23 июня 1969 г.: «Но беда в том, что у них нет нравственного религиозного воспитания, вырастают эгоистами и своевольными»¹⁰⁶. Эта тесная, по сути, для Ф. Г. Добржанского неразделимая, связь религии и нравственности порождала ряд проблем, требующих отдельного рассмотрения. Упомянем поэтому лишь одну из них в изложении самого Феодосия Григорьевича. Во Франции 21 мая 1966 г. он записывает в дневнике: «Сегодня воспользовался все еще имеющимся нанятым автомобилем и, вместе с супругами Божижерами, поехали в Версаль и в Шартр. Контраст этих двух мест невероятный. Говорят, что Людовик XI был религиозным человеком. Трудно понять, как это возможно. Версаль — это анти-религиозная пропаганда, по крайней мере, анти-христианская пропаганда»¹⁰⁷.

Подобная же связь существовала для него и между религией и философией, по крайней мере, между тем, что может быть названо философией жизни, и что сам Ф. Г. Добржанский называл на английский манер «пределными вопросами» и «пределным интересом»¹⁰⁸.

Можно без преувеличения сказать, что поиск ответа на «пределные вопросы» был другим наиболее важным источником или основанием (а в каком-то смысле и оправданием) религии для Ф. Г. Добржанского¹⁰⁹. Это, конечно, в первую очередь, — вопросы о смысле мира, о месте человека в этом мире, о смысле и ценности человеческой жизни, о предназначении человека¹¹⁰. Не обязательно именно эти вопросы жизнь подчас безжалостно ставила вновь и вновь ему самому. Очень часто они возникали, когда Ф. Г. Добржанский «переводил» чужие проблемы на себя, ставил себя на место другого человека или людей. Другими словами, сочувствовал и сопереживал. В этом смысле типично видение Ф. Г. Добржанским ситуации, в которой оказался один из его ближайших друзей Лесли Кларенс Данн в разгар Второй мировой войны. 4 декабря 1942 г. Ф. Г. Добржанский после разговора с ним записал в дневнике: «Часа два беседовал с Dunn'ом в его кабинете — добеседовали до 6.1/2, т. е. не зажигали огня, так что под конец сидели в совершенной темноте. Бедный Dunn! Он, по-видимому, глубоко несчастен. Во-первых, он разочаровался в мире, который, он считает, идет к фашизму в какой-то форме

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Слова “ultimate questions” и “ultimate concern” могут быть кратко переведены так же как «конечные вопросы» и «конечный интерес» или более пространно — как вопросы о предельных, «конечных» основах бытия и, соответственно, как интерес к этим основам.

¹⁰⁹ Трактовку этих вопросов Добржанским см.: *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern*. N. Y., 1967. P. 4–6.

¹¹⁰ Поиску ответов на эти вопросы посвящена не только эта книга, “The Biology of Ultimate Concern”, но и ряд других его книг и статей, вся его жизнь.

независимо от того, кто победит. Во-вторых (хотя он этого не сказал), он не думает, что его Боб вернется с войны живым. Я старался его ободрить, советуя ему спрятаться в случае чего в свою раковину и работать на благо человеческой культуры. Но его вкусы идут в обратном направлении — общественной работы. Бедный, милый Dunn! Что ему нужно было бы, [так] это религия, но ее-то он и не имеет. А между тем он одна из светлейших личностей, какую мне пришлось встретить!»¹¹¹.

Религиозные взгляды Ф. Г. Добржанского как будто мирно на всем протяжении его сознательной жизни сосуществовали с его наукой. Он, как ему, очевидно, казалось, смог, и успешно, разрешить вопрос о соотношении науки и религии. Более того, хотя религиозность Ф. Г. Добржанского была внутреннего, индивидуального порядка, он считал возможным учить и учил других, то есть своего рода проповедовал. Он пытался обратить некоторых к Достоевскому и тем самым, как он сам писал, к богу, каждый раз обращаясь к одной, конкретной личности, а не к массам. В основе этих попыток лежали те же два краеугольных камня: нравственность и «предельные вопросы». 16 июня 1942 г. в экспедиционном лагере он записывает: «Беседовал с Эплингом о Достоевском и по поводу Достоевского. Странная, для русского, психология: наличие зла в мире его не беспокоит, он его принимает за данное и все тут! Основа его морали — с моралью легче жить в обществе, чем без нее, значит других, религиозных, основ морали искать нечего и незачем. Словом, Достоевский с него как с гуся вода. Но вопрос, почему 5 миллионов американцев должны рисковать жизнью для общества и будущего, которого они никогда, быть может, не увидят, его все-таки озадачивает. В самом деле, почему авиатор должен лететь в бой с японцами, рискуя быть убитым? Единственный ответ, какой он может дать — большинство авиаторов над этим не задумывается, — они призваны на военную службу, им приказано лететь, заслушание они были бы наказаны, ну, вот и летают. Неудовлетворительность такого рода положения вещей ему, однако, ясна. Так что ко времени, когда надо было идти спать, я все-таки сумел кое-как пробраться под его толстую скорлупу. Поговорим еще — быть может, удастся “обратить” его к Достоевскому и, значит, к Богу!»¹¹². А 18 августа 1942 г. он отмечает: «провел час или больше с Эплингом стараясь объяснить ему <смысл> “Великого Инквизитора” Достоевского»¹¹³. Состоялся разговор и с другим членом экспедиции: «Вечером сидели с Мирским и беседовали о будущем. Кончили чтением “Великого Инквизитора”, но религиозный язык его отпугивает, несмотря на то, что основная мысль должна привлекать»¹¹⁴.

¹¹¹ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Ibid.

В своем стремлении к персональному религиозному просвещению Ф. Г. Добржанский придерживался принципа реальной свободы совести. В письме к дочери Софии и ее мужу Майклу Ко (Сое) от 16 мая 1957 г. он заверяет их, что был бы рад, если бы они были христианской семьей, но и не протестовал бы, если бы они не были, и не собирается влиять каким-либо образом на них¹¹⁵. В том же письме Ф. Г. Добржанский впервые затронул тему своей веры, заявив, что не принадлежит к русской православной церкви в полном смысле, или к любой другой, но пытается быть христианином и молится почти каждое утро¹¹⁶.

В самом деле, хотя Ф. Г. Добржанский регулярно посещал церковь и исповедовался, он действительно не являлся обычным, традиционным верующим. В записях в дневнике, касающихся религии, почти не затрагиваются вопросы совершенных грехов, их искупления, спасения после смерти, постижения божественного предначертания и тому подобного. Две вещи связывают Добржанского с богом. Первая — игра судьбы, то есть то, что он избежал многих и многих ее превратностей (от сталинских лагерей до смерти в случайной автомобильной аварии), настигших других, и был ею облагодетельствован, став, будучи мальчиком из провинциального украинского городка, всемирно известным ученым. Вторая — продолжение (богом) его жизни. Об этом говорят, например, следующие записи в его дневнике. 10 сентября 1971 г.: «Как много лучше здесь, в Дэвисе, чем было бы в Нью-Йорке, на старости лет! Благодарение Богу за все — во-первых, за жизнь и хотя бы относительно здоровье, во-вторых, за то, что я здесь, в любезной мне Калифорнии»; 29 апреля 1973 г. (Пасха), Дэвис: «Наш маленький садик благодаря усилиям Ольги тоже полон цветом. Наслаждение. Как прекрасна жизнь. Господи благодарю Тебя!»; 24 июня 1973 г., Дэвис: «Воскресенье, и я разрешил себе разлентиться. Читал книгу Барбары Ланд. Ведь меньше чем один человек на миллион имеет возможность читать свой некролог! Читая его, вспоминается много и многое, чего нет в некрологе. По Пушкину — “воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток”; и там дальше — “я трепещу и проклиная, и слезы лью, но строк печальных не смываю”. Читая “свиток”, вижу, что жизнь моя была невероятно удачна — тоже меньше чем один на миллион может похвалиться такой удачей. Господи слава Тебе!». 25 января 1972 г.: «Прожил 72 года. Интересная, разнообразная, и в целом незаслуженно счастливая жизнь. Вместо сталинской тюрьмы и расстрела стал американским буржуа, американским ученым, наставником научной молодежи. За что такое счастье? Ведь многие русские

---

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Ibid.

мальчики, которых я знал, были умнее и способнее меня, а они погибли или влачили жалкое существование»¹¹⁷.

Более того, некоторые его работы, посвященные ценностным и этическим аспектам эволюционной теории и генетики, написаны, как и любая другая научная работа, в стиле объективного исследования. При их чтении вполне может сложиться впечатление, что их автор — атеист. Кроме того, целый ряд мест в этих работах фактически демонстрирует эволюционный подход Добржанского к религии, то есть рассмотрение им религии как одного из результатов эволюции человека¹¹⁸.

Прообраз эволюционного взгляда на мир Добржанский видел в иудаистски-христианской религиозной философии, согласно которой (в понимании Добржанского) божественно предопределенный исторический процесс начался с творения, прошел через стадии грехопадения человека, откровения религиозной истины, искупления и прогресса к Царствию Божьему. Благодаря такой «эволюции» по Добржанскому человеческое существование обретает смысл: «История полна надежды; может быть лучший мир и люди лучше»¹¹⁹. Поэтому Добржанского удивляло и огорчало безусловное неприятие эволюционной теории церковью: «Как иронично, что оппозиция эволюционной идее пришла в современные времена главным образом из религиозных кругов!»¹²⁰.

Неприятие эволюционной теории церковью¹²¹ включало и его личные неудачи в попытках дать религии плоды своей науки, в первую очередь публично. Ф. Г. Добржанский так и не смог объединить науку и религию, верующих и неверующих, теистов и атеистов. Он с горечью записывает в дневнике 11 августа 1969 г.: «Мой доклад был принят неблагоприятно <юнитариями>. Им очевидно не нравится мое мнение, что traditional religion должна быть принята за основу синтетического мировоззрения. ... Пошел спать около полуночи, усталый и с сердцебиением. Хотя все были вежливы, но нет сомнения в ихней оппозиции! Боюсь, что мое мировоззрение одинаково неприемлемо и для атеистов, и для людей религиозных, и для юнитариев, которые держатся промежуточной точки зрения»¹²². Тремя годами позже, 9 октября 1971 г. он дает сходную самооценку: «Странное чувство — в компании теологов я как будто излишен, хотя несколько из них мне сказали, что они читали мои книги»¹²³. В той

¹¹⁷ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹¹⁸ См. например: *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern*. N. Y.: The New American Library, Inc. 1967. P. 13–14, 88.

¹¹⁹ *Dobzhansky Th. Evolution and Man's Self-Image // Evolution Anthropology, Physical*. London, 1975. P. 189.

¹²⁰ Ibid. P. 189.

¹²¹ Ibid. P. 189.

¹²² APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹²³ Ibid.

же записи Ф. Г. Добржанский отмечает тот неприятный для себя факт, что Джулиан Хаксли, другой известный эволюционист XX века и сооснователь СТЭ, «враг всякой религии, кроме им сочиненной»¹²⁴.

Неудачей, как правило, заканчивалось и личное, индивидуальное миссионерство. Так, он вынужден записать в своем дневнике 19 декабря 1942 г., после посещения своего друга Л. К. Данна, подхватившего простуду: «Поэтому я поехал к нему и провел вечер, читая ему Достоевского — то же, что читал Мирскому и Эплингу. Думаю, что мы расстались более друзьями, чем были. Но — это кажется не для англо-саксонцев!»¹²⁵. Если с колеблющимися (в чем бы то ни было) или с верующими, особенно с женщинами, все было сравнительно удачно, то с материалистами добиться успеха не удавалось. Об этом свидетельствует, например, запись в дневнике от 31 декабря — 1 января 1943 г.: «Новогодние празднества. У нас собрались <Демерецы>, Кауфманы, Мирские, Дунп'ы (вместе с сыном), Родсы. ...Утром на Новый Год завел полемику с Кауфманом о роли науки и о способах познания. Кауфман, конечно, материалист. Мария Александровна Демерец верит в религию. Конечно, ни до чего не договорились»¹²⁶.

Синтез Добржанского не удовлетворял ни одну из сторон, поскольку ни одна из них не получала от него того, что хотела — своего господства, а синтез все-таки таковым не являлся. Ведь у Добржанского, независимо от того, осознавал ли он это или нет, религия остается на периферии науки, на той границе, до которой дошла наука (он же человек) в постижении мира и самого себя. При этом она безвозвратно потеряла свой священный статус и образ, став всего лишь одним из бесчисленных объектов науки, предметом изучения, но не поклонения и не подчинения, тем самым уже перестав быть религией. Не случайно Ф. Г. Добржанский приводит высказывание теолога Пауля Тиллиха о том, что первый шаг к тому, чтобы западный мир начал становится нерелигиозным, был сделан самой религией тогда, когда, защищая свои религиозные символы, она стала интерпретировать их не как великие символы, а как буквальные утверждения, и уже тогда ею было проиграно все сражение¹²⁷.

Понимали ли периферийное и подчиненное положение религии в синтезе Ф. Г. Добржанского религиозные деятели, в том числе представители церкви или нет (скорее всего, что понимали), они, естественно, не без основания с недоверием относились к синтезу Добржанского и его попытке помочь религии с помощью эволюционной теории. Тем более что по крайней мере в некоторых своих публичных работах Ф. Г. Добржанский

---

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern*. N. Y.: The New American Library, Inc. 1967. P. 34.

фактически и независимо от его благих намерений выступал как критик религии, противопоставляя религиозной концепции человека концепцию эволюционную, дающую реальную, а не иллюзорную, мифическую надежду и реальные средства воплощения этой надежды в действительность. Это противопоставление точно выражено в названии одного из разделов одной из статей Ф. Г. Добржанского — «Падение или восхождение человека». В этой статье он фактически определяет библейские тексты как продукт художественной деятельности: «Поэтическое воспроизведение выхода человека за пределы собственной эволюции можно увидеть в библейском повествовании о вкушении плода с дерева познания добра и зла»¹²⁸.

В чем же состояло, по Ф. Г. Добржанскому, это преступание эволюционных границ? Предки человека были всего лишь животными, не ведающими добра и зла, греха и добродетели, но на определенной ступени своей эволюции «человечество стало способно отличать правильное от неправильного, добро от зла. Традиция называет это Падением Человека. Человек «пал», когда впервые стал способен свободно преступить и преступил этическое предписание. Однако тем же самым актом человек возвысился над уровнем животности. ...Человек восходил, не падал»¹²⁹. Иначе говоря, благодаря такому преступанию, преодолению человек из просто животного стал этическим животным. По Добржанскому, христианская теология использовала идею, унаследованную от иудаизма и философов эллинистической эпохи о существовании золотого века в начале мира и последовавшей за ним регрессивной эволюции. В действительности эволюция вовсе не сделала регрессивного шага с появлением человека. Напротив, это появление человека на мировой сцене «было прыжком вперед в истории космоса. Грех, злодеяние, преступление, нарушение может случиться с существом, которое осознает себя и природу своих действий. Человек такое существо, но его предки таковыми не были»¹³⁰.

Возражая далее современным ему идеологам «биологической» природы человека, Ф. Г. Добржанский вновь противопоставляет религиозное и эволюционное понимание и объяснение человека: «Как оптимистический тезис, что человек по существу добр, так и пессимистический антитезис, что он пал и развращен, предшествовали научной биологии и антропологии. Великие религии, в особенности Христианство, усвоили как тезис, так и антитезис, первый как часть доктрины Первородного Греха, второй — Божественной Милости. Есть ли у науки что-либо, что можно было бы добавить к этим древним человеческим проникновениям? По крайней мере, она может поместить их в контекст некоторых

¹²⁸ *Dobzhansky Th. Evolution and Man's Self-Image // Evolution Anthropology, Physical. London, 1975. P. 211.*

¹²⁹ *Ibid. P. 211.*

¹³⁰ *Ibid. P. 212.*

хорошо обоснованных открытий, которые предполагают, что человек не предопределен своей “природой” быть хорошим или плохим, но может стать тем или другим в зависимости от обстоятельств»¹³¹. Человек не запрограммирован биологически стать альтруистом или эгоистом, святым или грешником, героем или трусом, тружеником или лентяем. Он обладает возможностью стать кем угодно. «Человеческая адаптивность основывается на замечательной открытой бесконечности образцов поведенческого развития»¹³². Разумеется, человеческая биологическая природа, это ее разнообразие несовершенно. Но именно наука позволяет не только устранить такие очевидные для всех плохие его биологические качества, как наследственные болезни, но и, возможно, в будущем усовершенствовать его биологическую природу, приобрести желаемые качества и способности при должной осторожности и мудрости.

Эволюция жизни и эволюция человека не закончились, и человек, если использовать научную метафору, остается «незаконченным экспериментом». Принципиальная разница между научным и религиозным подходом к человеку состоит в ответе на вопрос о том, чей это эксперимент. «Последователи религиозных традиций верят, что вселенная есть деяние Господа. Однако человек открыл, что оба эксперимента продолжаются, и что он сам призван в них участвовать и помочь их осуществлению. ...В рамках ограничений, налагаемых законами природы, человечество может сделать все от него зависящее, чтобы сформировать свое будущее в соответствии со своими представлениями о добре и красоте»¹³³. По Добржанскому, именно наука, а не религия, играла и играет главную роль в культурной эволюции человека, кардинально трансформировала его сознание: «Наука радикально изменила идеи человека о мире, в котором он живет. Что, возможно, наиболее важно, наука изменила представление человека о самом себе»¹³⁴.

2.3. Жажда жизни

Сборник, в который вошла процитированная статья Добржанского, был опубликован в год его смерти. Как неоднократно указывалось, одним из «вечных» корней религии является личная смертность и неустроенность (в широком смысле) человека: лучшее будущее человечества (человека как вида) не отменяет бренности каждого данного индивида и невосполнимости его личных жизненных утрат (понимаются ли последние, как

---

¹³¹ Ibid. P. 213.

¹³² Ibid. P. 214.

¹³³ Ibid. P. 220.

¹³⁴ Ibid. P. 220.

утраты близких, или нереализованные способности личности). В этом смысле эволюционная надежда Ф. Г. Добржанского, изложенная выше, также не дает никакого спасения отдельному человеку в настоящем. Она не отменяет его личной смертности, завершения его жизни. А жажда жизни у Ф. Г. Добржанского была неумемая. Через полгода после того как в ходе рядового медицинского осмотра у него обнаружили рак крови он записывает в дневнике 1 января 1969 г.: «В июне открыли мою болезнь; за последние два месяца здоровье Наташи сильно пошло вниз; и хуже всего — теперь уже нет сомнения в том, что наше единственное дитя от нас отвернулось. Значит, грозит одинокая старость и одинокая смерть. И все же жизнь прекрасна — хочется еще жить. Надо закончить книгу об эволюции. А там, если буду жив, подготовлю издание моих старых работ, и, наконец, если останется время, автобиографию. К тому же идет еще 2 больших работы — по поведению *Drosophila paulistorum*. Их надо довести до какого-то логически приемлемого конца. Плохо, но может быть гораздо хуже! И при всем том жить до безобразия хочется»¹³⁵.

При такой жажде жизни и страх смерти был огромной интенсивности. Об этом опять же свидетельствуют отрывки из дневника. 21 декабря 1971 г.: «А вот тут подкралась старость, и подкрадывается смерть. Скоро придется делать операцию грыжи. Оправлюсь ли я от этой операции, и не стимулирует ли она последнее обострение лейкемии? ...Ох, боюсь, боюсь и смерти и предшествующих ей болезней и страданий. Боже, благодарю Тебя за жизнь, и молю Тебя укрепить меня перед смертью!»; 16 ноября 1972 г. предложение лечащего врача есть больше овощей было воспринято Добржанским как деликатное «напоминание того, что здоровье сдает и что близка уже смерть. О, как прекрасна жизнь и как ужасна смерть!». Наконец, 4 декабря 1974 г., почти ровно за год до смерти: «Доктор Пэйн кажется удивлен, что я все же еще не болен, хотя мое самочувствие не из хороших, ... Но ведь меньше чем через 2 месяца мне будет 75 лет — пожил достаточно, жаловаться нельзя. Но все же, как сильно хочется жизнь и как страшно, что подходит смерть!»¹³⁶.

О том, что религиозность Добржанского долго находилась в латентном состоянии и усилилась с началом проблем со здоровьем у Наташи, жены Добржанского, и у него самого, пишет и Брито да Кунья, с которым Добржанский много и плодотворно сотрудничал¹³⁷. Именно открытие Добржанским того, что он неизлечимо болен, явно коррелирует с его, так сказать, повторным, более тесным и сильным, чем раньше, обращением к религии. Оно было особенно обострено, так сказать «подстегнуто», тем,

¹³⁵ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Brito da Cunha A. On Dobzhansky and His Evolution // Biology & Philosophy. 1998. V. 13. N. 2. P. 298.

что доктора не могли дать ответа на бесконечно волновавший его вопрос о том, сколько ему осталось жить. Может, годы, а может, только месяцы. Добржанский оказался перед мучительной неизвестностью, неопределенностью. Можно сказать, что рок навис над ним со всей своей неумолимостью. Что оставалось? Только попробовать задобрить бога, вымолить отсрочку.

Кроме того, ужас внезапно возникшей угрозы смерти был для Добржанского особенно непереносим в силу того, что его отец стал инвалидом, когда Добржанскому было всего десять лет, что отец и мать умерли, когда он был еще юношей. Скорее всего, из-за страха смерти Добржанский не любил, когда ему напоминали про его возраст, даже когда он еще не был пожилым человеком¹³⁸.

В своем дневнике Ф. Г. Добржанский не раз благодарил господ за то, что жив и еще может заниматься наукой. Не исключено, что в случае если бы у докторов, наблюдавших и лечивших Ф. Г. Добржанского, было больше возможностей и им удалось бы продлить его жизнь, да еще не на год или два, а на десяток-другой, в дневник были бы записаны строчки со словами совсем иной благодарности.

2.4. Новый лучший мир

Было бы непростительным упрощением сводить причины религиозности Добржанского лишь к тем, которые были рассмотрены выше, как и к тем, что даже не были названы. Они, как и обсуждаемый предмет в целом, таковы, что негоже писать о них скороговоркой. Но еще одна причина заслуживает того, чтобы не только ее упомянуть, но и остановиться на ней подробнее, насколько это возможно. В предисловии к одной из своих главных книг, несколько ссылок на которую уже были даны, Добржанский утверждал, что она является не попыткой «вывести философию из биологии, но скорее попыткой включить биологию в *Weltanschauung*», то есть в мировоззрение. Поясняя далее это свое намерение, он писал, подразумевая самого себя, что у биолога есть факты и теории, которые, как он верит, могут представить гуманистический интерес и значение¹³⁹. Однако в этой книге, посвященной некоторым философским проблемам эволюционной теории, в том числе тому, что следует из этой теории для человеческой культуры, для того же мировоззрения, как они уже изменились под воздействием эволюционной

---

¹³⁸ Ibid. P. 290–291.

¹³⁹ *Dobzhansky Th.* The Biology of Ultimate Concern. N. Y.: The New American Library, Inc. 1967. P. 2.

теории, Ф. Г. Добржанский, разумеется, излагал свое понимание этих проблем, причем главным образом своего «предельного интереса», своих «предельных вопросов». Хотя и опирался при этом на труды и высказывания других авторов — ученых, философов, теологов, самых разных религиозных и секулярных мыслителей.

Совпадало ли видение Добржанского с тогда общепринятым или с чьим-то особым — отдельная тема. В частности, Добржанский приводит как «интересное» определение философии, данное Бертраном Расселом в 1945 г, по которому между теологией и наукой лежит не освоенная человеком земля, подвергаемая атакам с обеих сторон, которая и есть философия¹⁴⁰. Добржанский, вместе и вслед за другими, тоже попытался ее освоить. Цитируя высказывание П. Тиллиха о том, что религия есть, по сути, «предельный интерес» и следуя в этом «предельном интересе» за Ф. М. Достоевским, Добржанский утверждал, что природа человека такова, что побуждает человека задаваться «предельными вопросами» и что каждый человек пытается дать себе на них ответы¹⁴¹. Добржанский, во всяком случае, без сомнения, был таким «каждым человеком». Это означает, что эти вопросы, поиск ответа на них и сами возможные, найденные, ошибочно или нет, ответы и были его религией. Эта его неудовлетворенность предложенными и предлагавшимися разгадками «тайны» человека и являлась в действительности тем «фактором», который влиял и на становление его эволюционной теории, и на последующие его эволюционно-биологические исследования.

Поскольку прогресс науки, каким бы ни был он замечательным, всегда оставляет пробелы, эти пробелы объясняются чудесами и, таким образом, являются областью бога¹⁴². Но этот бог — не бог Добржанского. Человек стал человеком, когда сумел относиться к себе как к объекту. Только тогда он смог открыть, что является субъектом, личностью. Это дало ему свободу, а свобода позволила отличать добро от зла и задавать себе и другим «предельные вопросы»¹⁴³. Наука помогла и помогает в поиске ответов на «предельные вопросы», но и она имела и имеет исторический характер, эволюционировала и эволюционирует. Даже в мире Коперника человек мало что еще мог изменить, тем более к лучшему¹⁴⁴. В этом мире, поэтому, по сути, не было места для гуманизма. Затем наука, в том числе или, может быть, в первую очередь в лице эволюционной теории, дала человеку надежду на то, что он может изменить мир к лучшему, о чем оптимистически заявлял Томас Джефферсон, а также

¹⁴⁰ Ibid. P. 10.

¹⁴¹ Ibid. P. 5.

¹⁴² Ibid. P. 12–33.

¹⁴³ Ibid. P. 4.

¹⁴⁴ Ibid. P. 4, 6.

К. Маркс и В. И. Ленин¹⁴⁵. Однако многие последующие попытки, в особенности установить рай на земле под именем коммунизма, закончились трагически, в том числе господством таких диктаторов как Гитлер, Сталин и им подобных¹⁴⁶. Поэтому для Добржанского коммунизм представлялся эрзац-религией, всего лишь неудачной заменой христианства¹⁴⁷.

Именно неудачный, обескураживающий опыт политико-социальных и политико-экономических преобразований, направленных на достижение нового, лучшего человеческого мира, принесший тысячам и миллионам, в том числе и Добржанскому, глубочайшее разочарование даже в самой возможности радикальных изменений, послужил основой для того, чтобы Добржанский пришел к выводу, что поскольку все равно человек надеется не только на новое, но и на лучшее будущее, хотя уже и не уверен в нем, остается лишь слабая надежда на «новый синтез»¹⁴⁸.

Поддержку этой своей надежде Ф. Г. Добржанский нашел у Тейяра де Шардена, с которым дважды встречался, но которого оценил по достоинству лишь после знакомства с его эволюционной концепцией¹⁴⁹. Синтез Тейяра де Шардена встретил также неоднозначную реакцию и также не удовлетворил ни ученых, ни деятелей церкви¹⁵⁰. Но он подходил самому Ф. Г. Добржанскому, особенно мысль Тейяра де Шардена, которую тот подчеркивал снова и снова, что человек уже не пассивный объект эволюции, а его участник. Кредо П. Тейяра де Шардена и самого Добржанского, изложением которого Ф. Г. Добржанский и заканчивает свою книгу, заключалось в том, что ворота в лучшее будущее могут быть открыты не для привилегированной или избранной группы людей, но лишь для всех, и только *все вместе, объединившись*, они смогут достичь процветания и духовного возрождения Земли¹⁵¹. История, как это повторялось бесчисленное число раз, подчас со странным упоением, не терпит сослагательного наклонения. Но очевидно, что у Добржанского была бы большая надежда на лучшее будущее, а его синтез, возможно, принял бы несколько иной характер, если бы попытка создания нового мира в XX в. оказалась, по меньшей мере, более удачной.

¹⁴⁵ *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P. 7–8.*

¹⁴⁶ *Ibid. P. 106.*

¹⁴⁷ *Ibid. P. 99.*

¹⁴⁸ *Ibid. P. 107.*

¹⁴⁹ *Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Пер. с фр. Н.А. Садовского. М.: Прогресс, 1965. 296 с.*

¹⁵⁰ См. ниже: Глава 3. Пьер Тейяр де Шарден и религия. См. также: *Конашев М. Б. Тейяр де Шарден и религия // Человек. 2010. № 5. С. 19–36; Его же. Эволюция была их божеством // В мире науки. 2007. № 6. С. 78–85.*

¹⁵¹ *Dobzhansky Th. The Biology of Ultimate Concern. P. 137.*

Глава 3

ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН И РЕЛИГИЯ¹⁵²

Наверное, нет более известного ученого XX в., во всяком случае, его первой половины, который в то же время был истинным, можно даже сказать, неистовым верующим, чем французский палеонтолог, теолог и философ, мыслитель и эссеист Пьер Тейяр де Шарден (Teilhard de Chardin; 1.5.1881—10.4.1955). Как, на первый взгляд, нет, по крайней мере, во всей биологии того же периода более выигрышной фигуры для подтверждения тезиса, ставшего особенно популярным с недавнего времени в России, что наука и религия — две вещи не только совместимые, но и взаимодополнительные. Тем более что сам Тейяр с несомненной и искренней убежденностью неоднократно писал об этом, в том числе и в своем самом известном труде «Феномен человека»: «...После почти двухвековой страстной борьбы ни наука, ни вера не сумели ослабить одна другую. Но совсем даже напротив — становится очевидным, что они не могут развиваться одна без другой по той простой причине, что обе одушевлены одной и той же жизнью. В самом деле, ни в своем порыве, ни в своих столкновениях наука не может выйти за пределы самой себя, не окрашиваясь мистикой и не заряжаясь верой»¹⁵³.

Тем не менее, в действительности все не так просто и как всегда не столь однозначно. Скорее наоборот. Тейяр де Шарден — один из тех немногих эволюционных мыслителей XX в., чьи идеи и чья эволюционная концепция вызывали и до сих пор вызывают ожесточенные дебаты и прямо противоположные оценки. В самом деле: вроде бы антипод Ч. Дарвина в очень многих отношениях, прежде всего, в отношении к религии, и в то же время не только его глубокий знаток и почитатель, но и убежденный сторонник. Сделавший для выживания, восстановления и даже определенного расцвета христианства в его католической версии, быть может, более многих и многих проповедников и церквей, и однако же вынужденный отправиться фактически в ссылку из-за своих взглядов, так и не увидевший опубликованным свой главный труд из-за церковной цензуры. Что же значили для Тейяра де Шардена его наука и его вера, чем они были на самом деле, в чем состояла его эволюционная концепция и какое место в ней занимал человек?

---

¹⁵² Первоначально опубликовано: *Конашев М. Б.* Тейяр де Шарден и религия // Человек. 2010. № 5. С. 19—36.

¹⁵³ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / Пер. с фр. Н. А. Садовского. М.: Прогресс, 1965. С. 122.

3.1. Взмотреться в землю, чтобы узреть небо

Тейяр де Шарден родился 1 мая 1881 г. в аристократической семье в фамильном поместье Сарсена (Sarcenat), недалеко от небольшого провинциального городка Клермон-Ферран в горной провинции Овернь в центре Франции¹⁵⁴. Тейяр был четвертым из одиннадцати детей. По материнской линии он был прямым потомком Маргариты-Катерины Аруэ, родной сестры Вольтера, от которого, как считается, и унаследовал свободолюбие и свободомысле, так же, как настоящий романтизм и страсть к познанию. Любознательность Тейяра была поддержана его отцом Эммануэлем Тейяром де Шарденом, передавшим ему свои познания в естествознании, особенно в геологии и минералогии. Согласно семейному преданию, когда ему было шесть лет, он исчез из дома и его нашли на дороге, ведущей в горы, куда он направлялся, чтобы «посмотреть, что находится внутри вулканов»¹⁵⁵. Но и отец, и в особенности мать Тейяра, Берта-Адель Тейяр де Шарден (в девичестве Берта-Адель де Домпье де Орной) были истыми католиками. Тейяр получает превосходное классическое воспитание конца девятнадцатого века, включавшее научное, религиозное и литературное образование. В 1898 г., когда ему исполнилось 11 лет, он по настоянию родителей прошел первоначальное обучение в иезуитском Коллеже Нотр-Дам-де-Монгре в Виллафранк-сюр-Саон, где изучал основы теологии, философии и естествознания, а также древние и новые языки, и где в 1899 г. вступил в иезуитский орден. С 1899 по 1900 г. он продолжает обучение в Экс-ан-Провансе, с 1900 по 1901 г. в Лавале, и в 1902–1905 гг. — в иезуитской семинарии на о. Джерси. В 1905–1907 гг. его принимают в иезуитскую школу в Каире, где он преподает физику и химию. За время пребывания в Каире Тейяр приобрел свой первый обширный опыт полевых исследований, усиливший его интерес к геологии, и даже опубликовал свою первую научную работу — монографию по эоценовым отложениям в Египте. Но профессиональным палеонтологом он

¹⁵⁴ Краткая биография П. Тейяра де Шардена на русском языке есть практически во всех отечественных энциклопедиях, в том числе и в электронной версии в Интернете. См. например: Пьер Тейяр де Шарден. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/rwwiki/83849>. Однако точность и достоверность сведений, приводимых в некоторых из этих биографий, оставляют желать лучшего. Поэтому предпочтительнее биография во вступительном очерке ко второму изданию «Феномена человека» на русском языке: *Старостин Б. А.* От феномена человека к человеческой сущности // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. [Пер. с фр. Н. А. Садовского]. М.: Наука, 1987. С. 3–12. Краткую биографию на английском и французском см.: *Glick Th. F.* Teilhard de Chardin, Pierre // *Dictionary of Scientific Biography*. N. Y.: Scribner, 1976. V. XIII. P. 274–277; *Cuénot C.* Teilhard de Chardin // *Encyclopedia Universalis*. Paris: Encyclopaedia universalis, 1992. T. 22. P. 166–167. Более полную биографию см.: *Cuénot C.* Teilhard de Chardin. Paris: Éditions du Seuil, 1962; *Arnould J.* Teilhard de Chardin. [Paris]: Perrin, 2005.

¹⁵⁵ *Старостин Б. А.* От феномена человека к человеческой сущности // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. [Пер. с фр. Н. А. Садовского]. М.: Наука, 1987. С. 5.

стал позднее. В 1908 г. его направляют в иезуитскую школу, в Хастингсе, Англия, где с 1908 по 1912 гг. он помимо теологии изучает также палеонтологию позвоночных. Там 4 августа 1911 г. в возрасте 30 лет Тейяр становится священником и членом иезуитского ордена.

В 1912 г. Тейяр де Шарден возвращается в Париж, где продолжает изучение геологии и палеонтологии вместе с французским геологом и антропологом М. Булем (1861—1942) в Институте палеонтологии человека при парижском Музее естественной истории. Эти исследования, прерванные Первой мировой войной, в которой он участвовал в качестве санитар-носильщика, завершились защитой диссертации в Сорбонне в 1922 г. по млекопитающим нижнего эоцена Франции. Еще до защиты диссертации Тейяра приглашают в Католический институт в Париже, где он преподает геологию с 1920 по 1923 г. В этот период своего становления как человека и ученого Тейяр оказывается свидетелем и активным участником целого ряда драматических событий научной и общественной жизни. В частности, в 1905 г. во Франции принимается закон об отделении церкви от государства. Перед Тейяром неотвратимо встают сразу несколько дилемм, в первую очередь вопрос о том, как примирить тезисы эволюционистов, к которым Тейяр быстро и с энтузиазмом примкнул, и христианские догматы о сотворении мира и человека.

В конце 1923 г. он совершает свое первое путешествие в Китай в составе палеонтологической миссии вместе с Э. Лисаном. Тем временем уже вставшие перед Тейяром дилеммы только обострились. В США состоялся «обезьяний процесс», и 21 июля 1925 г. судья Дж. Рольстон приговорил молодого преподавателя Томаса Скопа к штрафу в 100 долларов — за то, что тот преподавал эволюцию ученикам общественной школы городка Дайтон, маленького административного центра графства Теннесси¹⁵⁶. Католическая церковь (епископская иерархия) в 1928 г. продолжала приписывать Земле возраст в 200 000 лет¹⁵⁷. К тому времени, когда Тейяр вернулся в Париж, его привычка трактовать некоторые геологические вопросы, в частности такой важный, как первородный грех, в свете эволюционной теории вызвала многочисленные нарекания в католических кругах, на него стали поступать доносы¹⁵⁸, в результате чего ему было запрещено преподавать в Католическом институте. Поэтому в апреле 1926 г. он отправляется снова в Китай, фактически в ссылку, в которой находился 20 лет, и уже три года спустя, в 1929 г. становится научным советником Китайского геологического общества. Прогресс геологии в Китае во многом был обязан именно ему.

¹⁵⁶ *Lecourt D.* L'Amérique entre la Bible et Darwin. Paris: Puf, Quadrige, 1998. P. 21.

¹⁵⁷ *Ibid.* P. 205.

¹⁵⁸ *McCarty D.* Teilhard de Chardin. Waco, Texas: Word Books, 1976. P. 18—20.

Что же касается стоявших перед ним дилемм, то Тейяру приходится сочетать самым причудливым образом следующие три возможные линии поведения: абсолютное повиновение церковной иерархии; отказ от теологических столкновений ради геологического и палеонтологического исследований, особенно в Китае; поиск смысла мироздания и человека, позволяющего остаться в рамках христианской мысли¹⁵⁹. Другими словами, Тейяр вынужден лавировать и идти на компромиссы, но не отступать от главного. Вот почему один из его студентов того времени, Габриэль Жермен, еще в 1920 г. заявляет, что Тейяр числился «среди отважных, а не среди невинных»¹⁶⁰.

С 1931 по 1938 г. Тейяр опубликовал серию работ, в совокупности представлявших его синтез геологии и палеонтологии Азии. После 1938 г. полевые исследования Тейяра почти завершились, если не считать двух краткосрочных поездок в Африку.

Во время японской оккупации в 1937–1945 гг., оставаясь в посольском квартале Пекина, Тейяр написал несколько важных монографий по палеонтологии человека и останкам млекопитающих в Китае, а также свои главные философские произведения, включая первую главу книги «Феномен человека» (в 1938 г.).

После окончания Второй мировой войны Тейяр вернулся в Париж, где в 1949 г. он не получил разрешения ордена занять кафедру палеонтологии в Коллеж де Франс, освободившуюся после кончины аббата А. Брейля, его друга и соратника. Результатом этого постоянно и быстро нараставшего конфликта стала его вторая «ссылка» с 1951 по 1955 г., на сей раз в Нью-Йорк, где ему предложили исследовательскую должность в Фонде антропологических исследований Веннера-Грена. Там же, в Нью-Йорке, 10 апреля 1955 г. Тейяр де Шарден тихо и незаметно ушел из жизни, как и хотел — в Пасхальное воскресенье¹⁶¹. В последний путь его провожало всего несколько человек.

3.2. Эволюционное прозрение

Годы с 1908 по 1912 были критическим периодом в формировании Тейяра как мыслителя. В Хастингсе, Англия он познакомился с эволюционной философией А. Бергсона, чья книга «Творческая эволюция»¹⁶²,

¹⁵⁹ *Dagorn R.-É.* Teilhard de Chardin, portrait d'une idole oubliée. URL: <http://espacestemp.net/document1601.html> 03.10.2005

¹⁶⁰ *Arnould J.* Teilhard de Chardin. Paris: Perrin, 2005. P. 144.

¹⁶¹ *Birx H. J.* Interpreting evolution: Darwin & Teilhard de Chardin. N. Y.: Prometheus Books, 1991. P. 190.

¹⁶² *Bergson A.* L'évolution créatrice. Paris: F. Alcan, 1907. viii; Рус. перевод: *Бергсон А.* Творческая эволюция: [С портр. авт.]; Авториз. пер. с фр. В. А. Флеровой. Москва; Санкт-Петербург:

как считается, явилась наиболее важным источником взгляда Тейяра на мир как становящийся, развивающийся¹⁶³. Однако тейяровское понятие конвергирующего космоса прямо противоположно бергсоновскому. Уже к 1911 г. он становится убежденным и неисправимым, как показала вся его последующая жизнь, эволюционистом¹⁶⁴. К 1916 г. в эссе «Космическая жизнь» главные контуры тейяровской концепции, включавшей принципиальную для нее идею космической и направленной эволюционной силы, были уже сформулированы. В Париже, до своего отъезда в Китай, Тейяр развивал свои философские идеи в содружестве с бергсоновским философом Э. Ле Роем и геологом В. И. Вернадским¹⁶⁵, который познакомился в Париже не только с Тейяром де Шарденом, но и с А. Бергсоном¹⁶⁶. О своих встречах с В. И. Вернадским и их значении для формирования его концепции эволюции Тейяр де Шарден практически не оставил собственных документальных свидетельств, если не считать следующего краткого упоминания в одном из писем 1954 г.: «Вернадский был в свое время в Париже — там я его часто видел»¹⁶⁷. Тем не менее, это влияние достаточно легко прослеживается, и отмечалось целым рядом отечественных и зарубежных авторов. Прежде всего, указывают на тот факт, что Ле Рой и Тейяр посещали в 1922–1923 гг. лекции В. И. Вернадского в Сорбонне по геохимии, в которых Вернадский излагал свою концепцию биосферы. Именно под влиянием идей Вернадского Тейяр в собственных лекциях 1925–1926 гг. по эволюции самостоятельно развил концепцию ноосферы, представив ее как высшую стадию эволюционного развития Земли. В течение первых месяцев пребывания в Китае Тейяр изложил свои первоначальные эволюционные идеи в книге «Божественная среда»¹⁶⁸, в которой тема человека как кульминации всего эволюционного процесса впервые возникает в его научном творчестве со всей отчетливостью. Следующие несколько лет нахождения Тейяра в Китае, проведенные в тесном творческом сотрудничестве с Э. Лисаном, по оценке всех биографов, оказались самыми продуктивными для Тейяра.

Рус. мысль, 1914; Бергсон А. Творческая эволюция; [Пер. с фр. В. Флеровой; Вступ. ст.: И. Блауберг]. М.: Терра—Кн. клуб: Канон-пресс-Ц, 2001.

¹⁶³ См. подробнее: *Barthélemy-Madaule M.* Bergson et Teilhard de Chardin. Paris: Éditions du Seuil, 1963.

¹⁶⁴ *Cuénot C.* Teilhard De Chardin // *Encyclopedia Universalis.* 1992. Т. 22. Р. 166.

¹⁶⁵ *Мочалов И. И.* В. И. Вернадский: человек и мыслитель М.: Наука, 1970. С. 136–138.

¹⁶⁶ *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. 1963–1945 гг. М.: Наука, 1982. С. 247.

¹⁶⁷ Там же. С. 247.

¹⁶⁸ *Teilhard de Chardin P.* Le Milieu divin: Essai de vie intérieure. Paris: Ed. du Seuil, 1957; Рус. перевод: *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. [Пер. с фр. О.С. Вайнер, З.А. Масленниковой]. Кызыл: АСТ; М.: Ермак, 2003.

3.3. Открытие человека

В Китае Тейяр де Шарден продолжает свои исследования млекопитающих четвертичного и третичного периодов, вместе с Булем, Лисаном и Анри Брейлем (1877–1961) (ведущим французским палеоархеологом того времени, одним из пионеров исследования палеолитического искусства, дружба с которым повлияла на формирование христианского эволюционизма Тейяра) приняв участие в 1928 г. в изучении палеолита в Китае. Непосредственным вкладом Тейяра в этом исследовании было изучение геологии, а его специализацией являлась фауна млекопитающих, которая, как он установил, была весьма сходной с фауной млекопитающих европейского плейстоцена Европы.

Открытия, сделанные Тейяром в Чжоукоудяне, оказались важны для развития его представлений об эволюции человека. В 1929 г. Пэй Вэньчжун обнаружил человеческий череп, принадлежавший существу, названному синантропом, от латинского *Sina*, — Китай и греческого *anthropos* — человек, или человеком прямоходящим (*Homo erectus*). Тейяр, являясь геологом и координатором исследований, смог определить возраст находки, неожиданно небольшой, всего около 370 тыс. лет, которая, как потом было доказано, имела тесное отношение к питекантропу с Явы. Помимо останков синантропов, сопровождавшихся большим количеством костей млекопитающих, были обнаружены также многочисленные следы кострищ и примитивные каменные орудия. Заслуга Тейяра состояла в том, что он первым сумел понять и оценить все значение этого открытия и то, насколько оно расширило горизонты палеоантропологии. Находка синантропа позволяла заполнить важный пробел в ряду ископаемых предков человека, каким являлось недостающее звено между человекообезьяной и неандертальцем, и показать, какими путями (увеличение и усложнение мозга, овладение огнем и орудиями) шел антропогенез¹⁶⁹.

Два путешествия в Южную Африку в начале 1950-х гг. понадобились Тейяру, чтобы прояснить для себя ситуацию с австралопитеком (*Australopithecus*). Африканские экспедиции помогли Тейяру завершить его теоретический синтез процесса гоминизации, согласно которому антропогенез был охарактеризован Тейяром как биполярный процесс, включавший основной африканский центр, эволюционный путь из которого и привел

---

¹⁶⁹ Современные представления об антропогенезе см., например: *Birx H. J.* Hominid evolution // Эволюционная биология: история и теория / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб.: б/и., 1999. С. 102–112; *Leakey R.* The Origin of Humankind. N. Y.: Basic Books, 1994. xvi; *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. Изд. 2-е с новым предисл. и прил. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2002; *Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В.* Антропология: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2002.

прямо к *Homo sapiens*, и второй, азиатский. В то же время Тейяр продолжал связывать происхождение человека с общим геологическим развитием Земли. В своей последней работе он еще раз подчеркнул свое понимание человека как первостепенного, ключевого фактора эволюции.

3.4. «Эволюционный синтез» и эволюционный синтез Тейяра

Эволюционная концепция П. Тейяра де Шардена, над которой он особенно усиленно размышлял и работал в течение последних десяти лет его жизни¹⁷⁰, и которую часто называют его эволюционным синтезом, по времени ее формирования (1930–1940 гг.) совпала с процессом формирования «синтетической теории эволюции», также получившим название «эволюционного синтеза»¹⁷¹. В последнем П. Тейяр де Шарден не только не участвовал непосредственно, будучи в Китае, но, по сути, не был знаком с его ходом и результатами, что, безусловно, не лучшим образом отразилось на его собственном синтезе. К тому же Тейяра не только не относили к дарвинистам, но, напротив, зачисляли в число недарвиновских эволюционистов, подчеркивая, что «понимание движущих сил биологической эволюции в концепции Тейяра противостоит дарвинизму»¹⁷².

Тейяр, разумеется, не был прямым и безусловным сторонником дарвиновской эволюционной теории, но подчеркивал, что он «далек от мысли отрицать важную и даже существенную роль» естественного отбора¹⁷³. Более того, Тейяр вслед за Дарвином прямо признавал «жестокость слепого всеобщего истребления» как «прямого следствия размножения» и биологическую «эффективность борьбы за существование», соглашаясь с тем, что «выживание наиболее приспособленного, естественный отбор — это не пустые слова»¹⁷⁴. Но, по мнению Тейяра, дарвиновские факторы эволюции ответственны лишь за разнообразие

¹⁷⁰ Delorme A. Le «Phénomène» Teilhard de Chardin // Revue de Synthèse. 1956. Т. 77. N. 3. P. 382.

¹⁷¹ О последнем см. подробнее: Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Изд. отдел УНЦ, ДО МГУ, Прогресс–Традиция, АБФ, 1999. С. 391–454; Завадский К. М., Колчинский Э. И., Ермоленко М. Т. Главные этапы развития эволюционной теории // Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука, 1983. С. 8–43; The Evolutionary synthesis: perspectives on the unification of biology / Eds. E. Mayr, W. B. Provine. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

¹⁷² Назаров В. И. Финализм в современном эволюционном учении. М.: Наука, 1984. С. 208.

¹⁷³ Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер. с фр. Н. А. Садовского. М.: Прогресс, 1965. С. 148.

¹⁷⁴ Там же. С. 110, 112.